

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ
НА ОЛИМПИАДУ!

ЖАТВА

В колхозе десятки отличных шоферов. Все здесь знают водителя Ивана Марченко. Он доставляет на элеватор сильную и ценную пшеницу.

Жарко в степи.

ЖАТВА

Одним из первых в центральных районах Кубани начал жатву колхоз высокой культуры земледелия «Октябрь», Калининского района. Хорошо организуется труд в поле агроном Петр Степовой.

Идет хлеб-80!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 29 (2766)

19 ИЮЛЯ 1980

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонёк», 1980

Виктор ЛОГИНОВ,
фото Алексея ГОСТЕВА,
специальные
корреспонденты «Огонька»

Кубанское хлебное поле...
Два человека стоят по пояс в пшенице и разминают в ладонях почти спелые колосья. Один говорит: «Доброе поле!» Другой прибавляет после молчания: «Красивое!» Слова произнесены разные, но смысл у них один, общий.

ПОД ЗНАМЕНЕМ ОКТЯБРЯ

11 июля в Риге состоялось совместное торжественное заседание Центрального Комитета Компартии Латвии и Верховного Со-

вета Латвийской ССР, посвященное знаменательной дате — 40-летию восстановления Советской власти в республике.

В президиуме — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, первый секретарь ЦК Компартии

Латвии А. Э. Восс, Председатель Президиума Верховного Совета Латвийской ССР П. Я. Страутманис, члены и кандидаты в члены бюро ЦК КП Латвии, руководители делегаций союзных республик, городов и областей РСФСР, знатные производственники, представители общественности.

Участники заседания с воодушевлением избирают почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

На торжественном заседании, тепло встреченный собравшимися, выступил Б. Н. Пономарев.

Под продолжительные аплодисменты собравшихся Б. Н. Пономарев зачитал приветствие Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР по случаю знаменательной даты.

Б. Н. Пономарев зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Латвийской ССР орденом Октябрьской Революции и под бурные аплодисменты участников заседания прикрикнул высокую награду Родины и знаменитой республики.

С докладом на торжественном заседании выступил А. Э. Восс.

На снимке: вручение высокой награды.

Телефото ТАСС

— Что это — голос?.. Смех или песня?

— Поле говорит.

— Но голос-то человеческий!

«Человеческий», — молча кивает председатель колхоза «Октябрь» Иван Васильевич Вусик. И больше ни о чем не надо спрашивать. Разгадка вот она, на поверхности: лицо и голос поля — это лицо и голос его творца, человека-мастера. А истинный мастер творит все по образу своему и подобию, совмещая пользу с услаждающей душу красотой.

Пшеничное поле было произведением души и мастерства, а люди, взрастившие его, были истинными художниками. Так вот уже куда просигривается мечта хлебопашца! Сделать не только быстро и качественно, но и красиво. Чтобы красота и духовность усенчивали пользу.

Над макушкой поля зависает в воздухе вертолет. А сверху какое оно!.. И вспоминается полет прошлым летом из Алма-Аты в Красноярск.

До этого дня в пору жатвы еще ни разу не приводилось бросить взгляд вниз с высоты целых десяти километров. Летал много, но оценить картину мешали облака. А тут беспредельное голубое небо и земля под крылом на сотни верст как на ладони. Отчетливо возник в иллюминаторе и долго маячил, не сдвигаясь с места, ду-

главый белоснежный Эльбрус. Но что это? Стало совсем желто, живописно солнечно на горизонте. Не Кубань ли там, в нежной зловонной дымке? И сразу передалось дыхание — Кубань родимая!

Дух захватило, и обожгла такая броская, так умело организованная человеком красота кубанского хлебного поля. Я разглядел значительную часть его, составленного из больших квадратов и прямоугольников желтого цвета, причем желтизна была самых разных оттенков — то яркая, то вроде бы выгоревшая на солнце. И вот что самое удивительное: не было в этом рукотворном рисунке пестроты, разбросанности и лоскутности, а было что-то цельное, подчиненное единому замыслу, как в истинно самобытном, отмеченном искрой таланта произведении. Силен же, талантлив человек, сотворивший такой чудой!

Два человека стоят в пшенице, разминают в ладонях черствящие колосья и молчат. Никаких слов здесь не надо. Здесь говорят глаза, и человек человеку понимает душой.

А поле поет.

2

Столь приятная, мирная снова встречает тебя пшеничным прибоем. Каждый год все повторяется: предуборочные ожидания и

тревоги, объезды полей, тихие минуты очерования, когда стоишь на краю лесной полосы и смотришь на живую, говорливую пшеницу... Все знакомое — и все новое, необычное. У каждой жатвы свой характер, свой почерк. Но лицо, лицо жатвы знакомо с давних пор. А уж улыбочное лицо или строгое, нахмуренное — это зависит во многом от погоды, которая не часто балует хлебопашца.

Громадный цех хлебороба лежит под открытым небом. Нет крыши над полями — один облак плывет в вышине, и пестро ложится от них тени на землю. Степь могуче, но и беззащитна. Ее жжет солнце, ее тнет суховетный ветер. Степь одаривает хлебопашца радостью. Но она же — в часы буйства природы — приносит ему и горе. Я видел слезы на глазах бригадира. Он стоял на краю измочаленного градом, истерзанного пшеничного поля и плакал навзрыд. Я стоял неподвижно. Мне бы уйти, оставить человека неедине с непоправимой бедой. Зачем плачущему мужчине свидетели? А я не мог уйти, не слушалась нога...

Это было несколько лет назад, а плачущий казак все еще стоит перед глазами. И не забывается обозображенное слепой стихией поле. И сворачивает оплывшая мысль: как-то будет иначе!

В СЕМЬЕ НАРОДОВ- БРАТЬЕВ

12 июля в столице Советской Литвы Вильнюсе состоялось совместное торжественное заседание Центрального Комитета Коммунистической партии Литвы и Верховного Совета республики, посвященное славной дате — 40-летию восстановления Советской власти в Литве.

В президиуме — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П. М. Машеров, первый секретарь ЦК Компартии Литвы П. П. Гришкявичус, Председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР А. С. Баркаускас, Председатель Совета Министров республики И. А. Манюшис, члены и кандидаты в члены бюро ЦК КП Литвы, руководители делегаций союзных республик, городов РСФСР, передовики производства, представители общественности.

С воодушевлением избирают участники заседания почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневим.

Тепло встреченный собравшимися, на заседании выступил М. С. Горбачев.

Под продолжительные аплодисменты участников заседания он зачитал приветствие Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР по случаю 40-летия восстановления Советской власти в Литве.

М. С. Горбачев зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Литовской ССР орденом Октябрьской Революции и под бурные аплодисменты участников заседания прикрепил награду и знамени республики.

С докладом на торжественном заседании выступил П. П. Гришкявичус.

На сцене: во время вручения награды.

Фотограф В. Гуляевича.
Т. Жебраускас
(ТАСС)

Весна была холодная и дождливая — затяжная. Хлеба кое-где полегли. Но та беда еще не беда: кубанцы научились мастерски убирать полегшую пшеничку. Боюсь другого лиха — «заветаш», Внезапный зной в конце июня опалил ячмень. Потери ощутимые. Но пшеница перенесла «солнечный удар» спокойно — тут стаяла промакнулась. И в первой декаде июля не только в станицах, на краю бессонного хлебного поля, но и в кубанских городах —езде, где волновались и ждали ответа на главный вопрос дня, ответ был получен: большой хлеб на Кубани будет!

Началась жатва-80.

3

Цифры! На Кубани никого не удивились высоким цифрами. Замыслив этот разговор, думал, что обойдусь без цифр. Но, видимо, несколько цифр напомнить все же надо. Кубань обязалась в завершающем году пятилетия произвести 9,5—10 миллионов тонн зерна. Хлеба государству обещано продать не менее 4 миллионов 360 тысяч тонн, причем весьма значительную часть зерна составит сильная и ценная пшеница. Как и в прошлом году, кубанцы уберут хлеб за 7—9 календарных дней. В жатву вступили 320 уборочно-

транспортных комплексов. И еще одна, последняя цифра: 38 центнеров с каждого гектара — на таком рубеже нацелилась в нынешнем году Кубань. Это в среднем. Многие хозяйства обещают взять зерно чуть ли не в полтора-два раза больше.

Истинный, природный земледелец преисполнен достоинства, но скромнее. Спросишь: «Сколько даст это поле?» Ответит: «Контрольный обмолот покажет».

Цифры обязательств высокие, выразительные. И не наугад, не с потолка они взяты — подкреплены и полностью обеспечены золотым запасом ежедневного самоотверженного труда сотен тысяч людей.

В этом году в июне на Кубани было проведено Всесоюзное предуборочное совещание. Рапорты о своих задумках и намерениях, показывая гостям из всех республик страны свое хозяйство, Кубань не только учила других, но и училась сама.

4

Велика цена нынешней жатвы. Думается, не стоит говорить, в какой год, в какое время гудят она тысячами моторов. Позади — волнующие дни 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина. Вперед, как маяк, — XXVI съезд на-

шей партии. И с высоты жатвы каждый ее боец и труженик меряет свои достижения самой строгой меркой. С этой высоты настоящая хозяйка земля глядит в будущее. Нынешний урожай, он наш, уберем сполна. Самое время теперь закладывать основу хлеба 81-го года.

Вот что ответил один из кубанских бригадиров, когда поинтересовались, почему он в разгар уборки чаще бывает не там, где жнут, а там, где пахут, то есть поднимают полупар. «Там, где жнут, сработано», — сказал он. — В самый раз о себе думать. Для него сейчас главное, чтобы на будущее задел был.

Вот так: главное, чтоб задел был. Пустить аспид за комбайном на освожденное от соевыми полями лучшими и плуги — это задел трудовой. Он подкрепляется заделом моральным — подавленное настроение живу угнетает, урожай на являх хлеб растет.

Кубань улыбается — пока скупло, сдержанно: еще не вся пшеничка обмолочена. Но скоро, скоро в хлебной степи от улыбок будет светлым светлом в самый солнечный день...

5

Каждая жатва рождает тысячи и тысячи героев. Это не для эрск-

ного слова сказано. Здесь нет преувеличения. Не единицы, не десятки — тысячи имен следует занести в Книгу славы в почта.

Герои жатвы, известные и неизвестные, — все достойны доброго слова. Упомянуть 5—10 фамилий — обидеть сотни и сотни других. Не лучше ли, ничего не выделяя, похвалить, доброе слово сказать обо всех вместе! В свое время в Родине отметят лучших из лучших. Сейчас же, под палящим солнцем, в дымящей пыли жатвы-80 все они равны. Все, от бывшего комбайнера до пареня-старомодельщика, от шофера до стеничного кулестермента, причислены к большому хлебу.

Доброе слово — в нашем деле одно из главных подспорных. Не надо жалеть административных слов, когда речь идет о самоотверженном труде. Когда доброе не добро умножается, расцветают сады на земле. На добром слове мир стоит. На добром слове да на хлебе.

«Есть хлеб — будет и песня, а Песня будет!»

Жатва на Кубани подводит к концу. «Обеспечено» — говорит Кубань и передает эстафету жатвы соседу — Дагу. Пшеница и дальше — целому Казахстану. Мы сработали. Очистили за вами. Сработайте лучше — честь вам и слава!

ПЯТИЛЕТКА В МОЕЙ ЖИЗНИ

Евгений АНТОНОВ,
слесарь-инструментальщик
завода топливной
аппаратуры
ярославского объединения
«Дизельаппаратура»

Пять лет в жизни человека — срок, конечно, немалый. Особенно, когда тебе под сорок. Трудно, правда, выделить пять лет из общего течения жизни, где, с одной стороны, все взаимосвязано, а с другой — имеет особенную, событийную хронологию. Невозможно здесь и сомкнуться: так ли уж интересна другим твоя жизнь? Машетбы ли обобщения на примере одной судьбы? И все же, мне кажется, жизнь каждого человека по-своему примечательна. Ведь это крупица в той глыбе, которую мы называем страной, народом. И в ней по-своему отражаются происходящие события и процессы.

Оглядываясь взглядом годы, прошедшие со армянки XXV съезда КПСС, я удивляюсь: сколько же всего произошло и в моей личной жизни и на заводе, где я работаю! А как изменился родной город! И старюсь найти главные, определяющие вехи. Чувствую, трудно разграничить события не, так сказать, житейские и производственные. Может быть, потому, что вся моя жизнь связана с этим заводом, с городом, в котором я живу! На заводе познакомился с женой, — она и сейчас работает контролером в ОТК, в цехе рядом со мной мои давние друзья. Все, что происходит в коллективе, кажется нас самым непосредственным образом. Это наша жизнь. Выходишь, рассказываешь родным предприятиям, в там самым рассказываешь о себе, о своих друзьях. Рассказываешь же о себе, некоторым образом рассказываешь о заводе, о Ярославле.

Родился я в Ярославле в 1942 году. Войну, естественно, не помню, а вот трудную послевоенную жизнь — как поднимались из разрушен — помню прекрасно. Можно сказать, послевоенный период во многом сформировал нас, людей теперешнего среднего поколения. Мы имеем возможность сравнивать, как жили раньше и как живут теперь. Поэтому нередко спорим с иными максималистами на-

строенными молодыми людьми. Я, например, всегда говорю таким: «Ну, а ты сам? На своем-то рабочем месте все делаешь для того, чтобы у нас было материальное изобилие? Как считаешь, заслужил его своим трудом? Не знаю, может, я и не прав, но мне кажется, уж если человек рассуждает о недостатках, значит, он должен задавать себе вопрос: «А что делаю я, чтобы их исправить?» Мы, люди среднего поколения, свидетели и участники грандиозного поступательного движения страны. Нам ничего не преподносили на блокдаке. Трудности страны были нашими трудностями, и мы помогали преодолевать их своим трудом. Так что, говоря о сегодняшнем дне, я не могу не вспомнить, что было раньше...

После школы поступил в железнодорожное училище, выучился на слесаря. Потом служил в армии. Там стал коммунистом. В 1966 году пришел на ярославский завод топливной аппаратуры и с тех пор работаю все в том же инструментальном цехе. Кое-что тогда, после армии, конечно, подзабыл, пришлось учиться по ходу дела. Работу свою люблю. Инструментальный цех — производственный творческий. Берешь у конструктора чертежи и знаешь, что никто еще эту деталь не делал. Ты первый. Как ее изготовить, каким инструментом, как это сделать лучше и эффективнее, решаешь сам. Иногда вдруг придет совершенно неожиданная мысль — посоветуешься с ребятами, потом все идем к инженеру, конструкторам, вместе думаем. Так что нет в нашей работе однообразия. Более того, судя по одному тому, как за последние годы усложнились детали, которые мы делаем, чувствуешь, как совершенствуются наши промышленность и техника, какие теперь решаются уникальные задачи. И очень приятно ощущать себя причастным и этому движению вперед.

Мне думается, не каждый может стать слесарем-инструменталь-

щиком. Без таланта тут — никак. И без терпения тоже. Несколькими годами раньше, чем обретишь необходимую квалификацию, войдешь во вкус дела, освоишься с инструментом. Это на сборке все у всех под рукой. У нас далеко не так. Иногда, прежде чем нужный инструмент подобрать, погуляешь по цеху, спросишь: «Где есть?», а ответ на всех редкого инструмента. И бывает, что время идет, а работа стоит. Заработок, значит, тоже стоит. Поэтому некоторые молодые предпосчитают уйти на сборку.

Теперьшний наш технологический потенциал с прежним, конечно, не сравнить. Вспомню, как сам начинал. Лет пять прошло, прежде чем окончательно освоился. А нынешние новачки этот путь проходят за год-два. Хотя им приходится начинать с заданий не в пример сложнее тех, с которых начинали мы. В чем тут дело? На мой взгляд, качественно изменились за последнее время и труд и рабочий. Сложнее стали станки. Однако выросла и изначальная подготовка молодого рабочего. И коллектив стал теперь более динамичным, творческим. Для способного, энергичного человека на производстве ныне созданы прекрасные условия — творить, развиваться!

В сентябре нашему заводу исполнилось пятьдесят лет. Мы идем к этой дате с хорошими результатами. В движении за коммунистический труд участвуют примерно девяносто процентов рабочих. В том, что были созданы условия для такого вот профессионального и нравственного подъема всего нашего коллектива, видится мне один из главных итогов прошедшего пятилетия.

Чем же еще запомнились минушие годы?

Моя семья переехала в новую квартиру: получили от завода трехкомнатную на четверых. Раньше занимали однокомнатную совсем близко от завода. Теперь живем подальше — в новом мик-

рорайоне Брагинно. Едешь в автобусе, смотришь по сторонам и радуешься: как вырос за последние годы город! Сколько появилось новых жилых кварталов! Мальчишеский, помню, бегал вот на этих пустырях, а сейчас тут красивые многоэтажные дома стоят. Взять хотя бы наше предприятие. Только за годы этой, еще не закончившейся пятилетки улучшились жилищные условия уже у полутора тысяч рабочих. А сколько построено школ, детских садов, санаториев, пансионатов. Это все приметы минувших лет. Растет предприятие — растет уровень жизни работающих на нем людей. А наш, например, завод растет не только в буквальном смысле — появились новые корпуса, цехи, освоена новая технология, — но и качественно тоже растет. Судите сами. В сентябре 1977 года заводу было присвоено звание «Предприятие высокой культуры производства». В ноябре 1978-го он стал головным заводом объединения «Дизельаппаратура». В мае прошлого года — головным предприятием отрасли по проектированию, модернизации, разработке методов технического обслуживания и ремонта всех видов топливных систем. Создали единый конструкторский центр с лабораториями и исследовательской базой. Уже в этом году предстоит завершить проектные работы по топливной аппаратуре для новых двигателей автомобилей КАЗ и УралАЗ, изготовить опытные образцы для двигателей Камского автозавода, дать первую промышленную партию аппаратуры для самосвалов БелАЗа. Задачи, что и говорить, большие. И нам, инструментальщикам, здесь отводится не последняя роль. Скоро переедем в новый цех.

В позапрошлом году многие наши слесари, в том числе и я, сдали на вышних, шестой разряд. Вспомнил тогда добрым словом своего наставника Георгия Ивановича Нефедова: вроде уже и сам знаешь, что к чему, а нет-нет да

После июньского Пленума ЦК КПСС, на котором было принято постановление о созыве очередного XXVI съезда КПСС в феврале будущего года, огнемоевая почта приобрела интересную особенность. В редакцию приходит много писем, где люди делятся своими мыслями, заботами, соотносят события, происшедшие в их личной жизни за последние годы, с делами трудовых коллективов своих предприятий, родных городов.

Дорогие читатели! Мы приглашаем вас продолжить разговор, начатый сегодня слесарем-инструментальщиком из Ярославля Евгением Антоновым. Расскажите, что произошло за годы десятилетия пятилетки в вашей жизни, в жизни вашего трудового коллектива, предприятия, родного города. Самые интересные письма будут опубликованы на страницах журнала. Это составит своеобразную летопись нашей жизни за истекшие со времени последнего съезда КПСС годы.

и подойдешь к нему посоветоваться. Высший разряд тоже, безусловно, важное событие в жизни. Повысились заработки. Сейчас выходит примерно двести пятьдесят в месяц. Вообще, чувство такое, что на ногах стою крепко. И хочется соотнести эту свою уверенность и с родным заводом и с родным городом. Вроде прослеживается взаимосвязь. Вместе движемся вперед, нога в ногу шагаем...

Чем же еще прошедшие годы для меня примечательны?

Подросли дети. Дочке, Наташе, семнадцать. Окончивает кулинарное училище. Будет поступать в техникум. Сын, Максим, пойдет в шестой класс. Жена говорит, что сейчас время не о себе, а о детях думать. Как они будут жить? Дочка-то уже, можно сказать, определилась, а сын вот недавно удивил. Сидел-сидел, задумавшись, и вдруг заявляет: «А я комбайнером буду! В колхоз поведу!» Он у меня упрямый. Может, в самом деле пойдет в комбайнеры! Что ж, в сельском хозяйстве люди сейчас как никогда нужны.

Короче говоря, в эти годы была жизнь как жизнь. Радости были, печали были. И это здорово, что радостей было больше!

Во время отпуска да и просто в выходные вместе с друзьями: Арсением Белашовым — он в соседнем цехе токарем работает, Александром Смирновым, мастером из инструментального, едем на моторке по Волге. Километров на сорок отъезжаем, платим развеем, ловим рыбу. Отдыхаем, в общем.

Говорим на отдыхе о разном. В том числе и о книге. Я, например, Достоевского люблю. Однако собрания сочинений его не имею. Мало дают на завод подписных изданий. Трудно сейчас с книгами. А читать все любят. Вот и бегает хорошая книга по людям, как часовая стрелка. Но ведь, бывает, книгу и перечитать хочется...

О работе говорим, о жизни. Радует, например, что строят при заводе свинкозавод. А кое-что поругиваем. Словозаводскую, скажем, внедрили там конвейерный метод. «Эффект» называется. Только эффект получился не тот, какого ждали. Люди в очередь стоят, а перед ними пустая конвейерная лента ползет. Оказывается, труд при этом так организовали, что не успевают на ленту тарелки с едой ставить. К счастью, «Эффект» упразднили...

О родном городе говорим. Радует, что наконец-то взялись за реставрацию старинных памятников архитектуры. Раньше в тех зданиях склады были. Теперь музеев. Это очень хорошо.

В общем, о разном говорим... Обстановка международная, все знают, сейчас сложная. Уполномоченный разряд, которую проводит наше государство, недурное знает. И мы прекрасно понимаем — страна должна быть сильной и в политике и в экономике. А это во многом зависит и от нас, рабочих.

Не помню, где я эту фразу слышал: «Учиться у жизни». Мне она понравилась. И я ее рискнул взять соотнести ее с прошедшими годами. Учиться у жизни — значит правильно отвечать на вопросы, которые она ставит. Понимать ее закономерности. Чувствовать новое, что носится в воздухе. И наконец, делать эту жизнь лучше!

Юрий КОРИЛОВ

ОПАСНЫМ КУРСОМ

Вьетнамское информационное агентство ВИА сообщает, только в юные Пекин организовал и осуществил около 200 оружейных акций на вьетнамско-китайской границе. А в то время, как китайская милиция совершала разбойничьи налеты на мирные вьетнамские села, а самолеты китайских ВВС магло вторгались в воздушное пространство СРВ, в Таиланде, близ границ другого суверенного азиатского государства — Кампучии, шла лихорадочная подготовка и переброски на кампучийскую территорию контрреволюционных полкотовских банд. И эта агрессивная операция готовилась при поддержке Пекина, с его благословения...

Непрекращающиеся провокации против Вьетнама и Кампучии вновь и вновь подтверждают откровенно гегемонистскую суть и опасную агрессивную направленность Пекинской внешней политики. Выступая в качестве ударной силы мировой реакции, прямо притворившись революционными движениями современности, Пекин не только продолжает, но и активизирует ожесточенные атаки на дело разрядки, нагнетает напряженность, стремится создавать очаги конфликтов, сеять вражду и ненависть между народами.

Известно, какой широкий позитивный резонанс получили среди международной общественности миролюбивые, конструктивные инициативы стран социалистического содружества, выдвинутые на совещаниях ПКС в Варшаве, новые идеи и предложения, внесенные Советским Союзом в ходе недавних советско-западногерманских переговоров в верхах. Эти инициативы и предложения, призванные отстоять мир, упорочить безопасность народов, приветствуются и одобряются в столицах большинства стран мира, но только не в Пекине. Китайские правители, следуя своему поджигательскому курсу, сегодня, как и вчера, с порога отвергают любые меры, ставящие целью оздоровление политического климата, обуздание гонки вооружения, укрепление доверия и добрососедства между народами и государствами. Они открыто подстрекают правящие круги Запада к сколачиванию некоего «единого фронта» против СССР, провоцируют военное столкновение двух мировых общественных систем.

В последний период времени в политике Пекина, который открыто перешел на сторону империализма, отчетливо просматривается линия на сближение с Западом, прежде всего с США и Японией, на враждебной делу социализма и мира осяев. Именно достижения этой цели преследовали состоявшиеся в мае — июне визиты премьер-министра Госсовета КНР Хуа Гофана в Японию и заместителя премьер-министра Ган Бю в США, недавняя встреча Хуа Гофана и президента США Дж. Картера в Токио, контакты между представителями китайской армии и милитаристских кругов Японии и ФРГ. Ныне пекинская верхушка небосредственно участвует в осуществлении империалистических агрессивных планов борьбы против социализма, национальной независимости, демократии и всеобщего мира. Разве не об этом свидетельствует агрессия Пекина против социалистического Вьетнама, его враждебные действия против Кубы, МНР, Лаоса? Разве не об этом говорит тот факт, что Пекин, действуя заодно с США, активно участвует в «необъявленной войне», развязанной империализмом и реакцией против революционного демократического Афганистана?

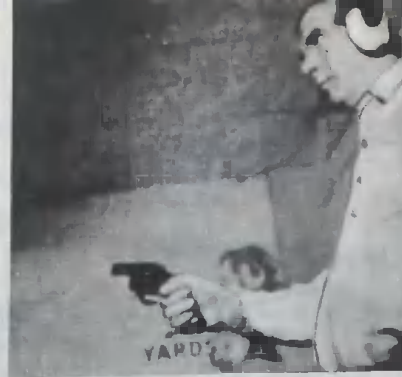
Взяв курс на блокирование с империализмом, пекинская верхушка рассчитывает и на то, что ей удастся расширить военное «сотрудничество» с западными державами, получить широкий доступ к военным арсеналам США и НАТО и таким путем подвести военно-экономическую базу под собственные великодержавные планы, ускорить выполнение провокационной в Китае программы «четыре модернизации», стеречь которой — превращение Китая в мощную восточную сверхдержаву, способную диктовать свою волю другим народам.

Причины, в силу которых Пекин идет на сближение с империализмом, лежат, но чем же руководствуются США, делая встречные шаги? Вашингтон, будучи «китайской картой», стремится подтолкнуть пекинских гегемонистов к глобальным стратегическим планам США, направленным на возрождение империалистической политики «большой дубинки», на слом сложившегося на международной арене военно-стратегического равновесия. Имея в виду грубо антисоветскую направленность китайской внешней политики, он рассматривает сближение с Китаем как шаг в координации агрессивных планов, нацеленных против социалистического содружества. При всех этих расчетах упускается, однако, из виду одно: Пекин, выступающий в роли младшего партнера империализма, действует в своекорыстных политических интересах, рассчитывая с помощью Запада проломить путь и реализации собственных гегемонистских замыслов. «Когда мы сочтем, что время наступило, мы скажем даде Сэму: «Вуд! добр, упавший свой вешник», — заявил в свое время тот самый Ган Бю, который недавно, будучи в США, расписался в «дружеских чувствах» и Вашингтону. Надо ли доказывать, сколь недальновидны расчеты тех кругов Запада, которые все еще надеются разгадать «китайскую карту» в собственных интересах и на счет интересов других!

Сближение Пекина с Западом, его совместные и скоординированные с империалистическими державами действия ведут и нагнетают напряженность, дестабилизацию положений в различных регионах мира, прежде всего в Азии. «Партнерство империализма и оскенского гегемонизма представляет собой новое опасное явление в мировой политике, опасное для всего человечества, в том числе — для американского и китайского народов», — подчеркивается в Постановлении юньского Политбюро ЦК КПСС.

Что касается Советского Союза, то его позиция ясна и незыблема: наша страна твердо отстаивает дело мира, международной безопасности, добрососедские отношения со всеми странами, в том числе и с КНР. Вместе с тем СССР вновь и вновь подчеркивает, что любые попытки оказать на него нажим, угрожать ему созданием всякого рода антисоветских «осей», «треугольников» и «звездочек» — дело абсолютно бессмысленное и бесперспективное. У нашей страны есть все необходимое, чтобы дать отпор любым агрессивным попыткам империалистических и реакционных сил, какою бы картой — китайской или какою-либо иной — они бы разигрывали.

А. СОКОЛОВ

Ф

ильм «Этот свободный мир», созданный на Центральной студии документальных фильмов режиссером Леонидом Млечком и оператором Василием Ниселевым по сценарию Леонида Замиткина и Леонида Млечка, — это яркий рассказ именно о том, что происходит за фасадом капитализма.

Фильм о том, как у сотен миллионов людей в странах капитала крали и продолжают красть истинную свободу — свободу гражданскую и политическую, свободу самому выбирать себе место в жизни. О том, что от прихоти власти имущих зависит нравственное состояние и физическое здоровье человека, его работа или отсутствие таковой, условия жизни.

Современность — производственная и строительная технология, появляются новые материалы, и поднимаются вверх, растут, как грибы, современные здания, одно совершеннее другого, свершают они на солнце разноцветными стеклянными, пластиновыми и стальными гребнями. Но точно так же, как и много лет назад, гонит ветер обрывки газетной бумаги по мостовым Гарлема, много выщербленных кирпичных стен и полуразвалившихся окон без стекол, одно рымми тоже живут люди. Никуда? Жалкая насмешка над словом... В глазах сидящего на тротуаре негра нет никакого выражения. Бессмысленный, ступенчатый взгляд. Даже для отчуждения, последнего из человеческих чувств, уже не осталось сил. А ведь он родился в обществе «равных возможностей», «равным среди равных», в стране, где, как гласит речка, «чистильщик обуви может стать миллионером». Ну что же ты! Встань, встрясись, иди, купишь обувь и заработай полагающиеся тебе миллионы. Но, может быть, ты ленив и оттого все твои беды? И миллионы подобных тебе безработных — они что, тоже ленивы?

— Я хочу работать, я в состоянии работать, я люблю работу, — говорит перед кинокамерой молодая женщина, но в окладе не настолько счастливой, чтобы ее получить.

Она, эта женщина, еще надеется на то, что когда-нибудь сможет найти работу. Может быть, надеются и те безработные, что сидят около Белого дома, дома, в котором обосновался президент, обещавший им «обуздать безработицу».

Но те, чью волю не удалось сломить самой тяжелой нуждой, прохладой по улицам в июле, демонстраций, требующих, нет, не манной небесной, а всего-навсего сносных условий для жизни в обществе, правительство которого не устает повторять, что превыше всего оно ставит права человека вообще и своих граждан в частности. Именно о них, несомненных, стихии негритянского поэта-безработного Антара Мбери. Он читает их нам с экрана:

«Полнодневные реки человеческого достоинства;
Реки, благой которых я упиалась
Днем и ночью, зимой и весной...»

Человеческое достоинство... Простые слова. Но за ними — напряженная классовая борьба, негнбавшая воля людей, которых не удалось ни загнать, ни купить. Их можно убить, как убили Мартина Лютера Кинга, их можно в буйвальном смысле заковать в цепи, как это сделали с Бенджамином Чейвсом, но победить их нельзя. На их стороне миллионы людей во многих странах мира. Это сила, с которой уже нельзя не считаться.

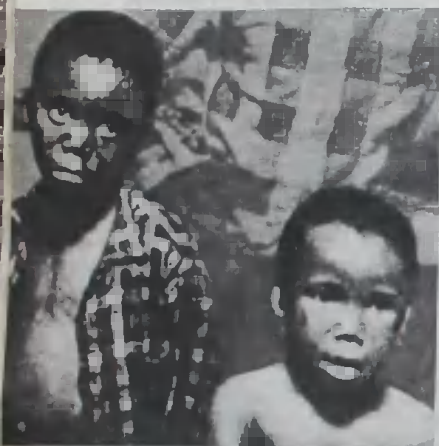
— Причина того, что я сегодня вообще живу, говорит Бен Чейвс, которого власти США «условно освободили», — заключается в том, что вы все были упорны в этой

На снимках — кадры из фильма:

Смерть у дверей аптеки.
Полицейский тир.
Маленькие обитатели Гарлема.
Новые «коричневые» в Западной Германии.
Одна из американских тюрем.
Отчаяние.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ
ЭКРАН

ЭТОТ

«СВОБОДНЫЙ МИР»

Слова не действуют —
есть ПЕНТАГОНный юг.
Чтоб загнать «союзников»
в хомут.

Рисунок КУРЫНИКОВ

Дм. Демина

борьбе. Несмотря на то, что судья осудил нас в общей сложности на 282 года...

А как же свобода? Где она? Для кого? Для распоясавшихся полицейских, избивавших демонстрантов в Америке, Англии, Чили. Разная униформа, разные знамя различия в полицейских петлицах, но одинаковы дубинки и наручники. Все тот же слезоточивый газ, изготовленный по единому рецепту. И все те же удары, удары, удары... Дубинкой, кулаком, кованым ботинком. Кажется, что полиция всего мира ввешивается в один, небольшой по размерам кинозран. Миллионы ударов слились в один, и один многоголосый крик боли и гнева звучит над планетой, заглушая свист и завывания десятков тысяч полицейских сирен.

...Но если ты из тех жителей Запада, которых не интересуют судьбы своих обездоленных сограждан, — спи спокойно. Ведь ты

не участвовал сегодня в демонстрации? Вот и хорошо! Не думай об этом, и твоим услугам «шоу-бизнес», огромное количество развлечений, они как раз предназначены для того, чтобы развлечь тяжёлые мысли, развлекать мысли вообще. А хочешь — можешь стать на некоторое время политическим деятелем. Как? Очень просто. Приходи в Гайд-парк и говори. Что говорить? Да все, что хочешь. Можно и трибуну с собой притащить, если не лень, и громкоговорители и наслаждаться своим ораторским искусством в обществе таких же «пийных» жигитов».

Нет, это не кинохроника 30-х годов, это кадры наших дней — шарширующие под свастикой шлодочки. Они не только собираются на свои митинги и юные пивные пучки, они учатся убивать. Вот так же, как эти, из организации «Воинский спорт». На них мундир и маски верха и СС, в руках —

боевое оружие. Организация существовала открыто, на глазах у всех, в Западной Германии. Ее «воспитанники» уже не раз бывали «в деле». Именно из них вербуют наемников. И посылают карать, взрывать, поджигать. В Африку, в Иран, в Афганистан. И там живут, когда надо устранить, отомстить... На динуют свою волю и свои условия. И, конечно, платят... Чувствительное издевательством над памятью людей, отдавших жизни за то, чтобы не было войны, выглядят устроенные в небо ранеты и антенны мощных радиолокационных станций, готовые к старту сверхсовременные боевые самолеты и постоянно несущие свою космическую вату спутники-шпионы. Это тоже «свобода». Свобода распоразаться жизнью теперь уже миллиардов людей в угоду своим корыстным интересам, имея главного из которых — деньги.

Тревожные это кинокадры...

Слишком тревожные для того, чтобы стать привычными. Над теми, кто готовит новый иростовый поход — в первую очередь против социализма, — развешены обещавшие знамя с начертанными на нем словами «Светлая военная утрата». И это «свобода». Свобода фальсифицировать историю, перекладывать факты.

Фильм советских кинодокументалистов призывает к бдительности, учит отличать истинные проявления и шлодые посулы от внутренней сущности мира капитализма, мира, где пользуются властью от имени народа — против народа. Беззастенчиво творят иском закон, где создают идеологическую и отвергают идеалы, где, по выражению Ленина, «демократия — формальный парламентаризм, а на деле — беспрекословное шлодкое издевательство, бездушный, немилосердный гнет буржуазии над трудовыми народами».

МОСКВА ОЛИМПИЙСКАЯ

В. Г. СМЕРНОВ,
первый заместитель
председателя
Оргкомитета
«Олимпиада-80»

19 июля в Москве на Центральном стадионе имени В. И. Ленина торжественно открываются XXII Олимпийские игры. Наш корреспондент В. ВИКТОРОВ попросил первого заместителя председателя Оргкомитета «Олимпиада-80» Виталия Георгиевича СМЕРНОВА ответить в связи с этим на несколько вопросов.

— Итак, Виталий Георгиевич, поздав пять лет напряженных усилий многие тысяч советских людей, Олимпиада в Москве — это уже не планы на будущее, а непреложный сегодняшний факт. В связи с этим хочется напомнить вам слова, которыми вы заключили опубликованную в нашем журнале статью «Олимпиады вчера, сегодня, завтра» в одном из июньских номеров 1976 года, перед открытием XXI Олимпийских игр в Монреале. Вот эти слова:

«В своем выступлении на Хельсинкском совещании Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев говорил, что суть дела в материализации разрядки, в этом суть всего, что должно сделать мир в Европе действительно прочным и неизблемым. В осуществлении этой благородной задачи видит свою цель все, кто занят подготовкой Московской Олимпиады».

— Не считаете ли вы, Виталий Георгиевич, что этими словами вы могли бы начать и сегодняшнее интервью?

— Да, действительно, наша цель остается той же — сделать мир

для советских людей прочным и неизблемым. Эта задача, теперь, после всех маневров и выпадов врагов разрядки, врагов Олимпийских игр, еще более актуальна. И тот факт, что Игры XXII Олимпиады, несмотря на все попытки сорвать их, состоятся в Москве, состоится впервые в столице социалистического государства, говорит о том, что дело мира сорвать невозможно.

— Таким образом, Виталий Георгиевич, можно считать, что первая победа на XXII Олимпиаде была одержана еще до ее открытия? Ведь победил сторонник олимпийского движения, а не его противник.

— Это так, хотя противники Олимпийских игр не пожелали сил, чтоб добиться своей цели. Вся олимпийская общественность — Международный олимпийский комитет, подавляющее число национальных олимпийских комитетов, известные спортсмены самых разных стран дали резкий отпор попыткам сделать спорт орудием политики, использовать его для своих неблагоприятных целей.

Олимпийское движение приобрело за последние годы могучую силу, ведь в него включились социалистические страны, многие страны Африки, Азии и Латинской Америки. Вот характерный факт: только за четыре года, отделяющие нас от Монреальской Олимпиады, в орбиту олимпийского движения вошли еще четырнадцать стран, в том числе такие, как Лаос, Вьетнам, Ангولا, Мозамбик, Мавритания и т. д.

Трудно сейчас представить олимпийское движение без стран Африки и Азии. Олимпиады теперь доступны всем спортсменам независимо от цвета их кожи, вероисповедания или социального положения. А ведь на Олимпиаде 1904 года, которая проводилась в американском городе Сент-Луисе, негры, индейцы, филиппинцы должны были состязаться в три так называемых «антропологических» дня.

Да, в безвозвратное прошлое отошли эти времена. Я думаю, что не за горами то время, когда очередные Олимпиады будут проходить в столицах африканских стран. Мощи и демократизма современного олимпийского движения не учли те, кто пытался сорвать Олимпийские игры в Москве. Причем надо отметить, что эти попытки начались задолго до того, как американская администрация в качестве предлога стала использовать так называемый «кафтанский» вопрос. Еще в 1974

году в ряде буржуазных газет и в других различных органах массовой информации появились утверждения, что Московская Олимпиада обречена на провал, что нам не справиться со строительством олимпийских сооружений. Затем появились новые призывы бойкотировать ее — потому, мол, что мы не допустим на Игры спортсменов некоторых стран и тем самым нарушим данные гарантии. Эти попытки сорвать Московскую Олимпиаду продолжались и дальше.

— Как, по-вашему, будет развиваться история Олимпийских игр?

— Я убежден, что олимпийское движение, которое и в нынешних сложных международных условиях сохранило свой благородный дух, основанный на доброй воле и дружбе между народами, будет крепнуть и развиваться. Нет никакого сомнения, что попытки использовать спорт как политическую карту будут отвергнуты народами. Я убежден в этом, потому что и сегодня Международная олимпийская комиссия, международные спортивные федерации, национальные олимпийские комитеты твердо поддерживали не противников олимпийского движения, а его сторонников.

Что говорить, против Московской Олимпиады были брошены мощные силы, которые использовали все — угрозы, и шантаж, и подкуп. Особая ставка делалась на решение НОК ФРГ. Предполагалось, что большинство стран Западной Европы последуют примеру ФРГ. Однако мы знаем, что еще только три европейские страны — Норвегия, Лихтенштейн и Монако не прислали своих заявок на участие в Играх.

— Как восприняли советские спортсмены отказ от участия в Олимпийских играх спортсменов США, ФРГ, Японии, Канады?

— С глубоким сожалением. Они понимают, какой трагедией для спортсменов этих стран был запрет приехать в Москву. Ведь они готовились к этой поездке долгие четыре года, потратили немало сил и возлагали большие надежды на свои выступления. И вот по воле своих правительств все они остались за бортом. Это отразится самым печальным образом на целом поколении выдающихся спортсменов, но никак не скажется на успехах Московской Олимпиады. К нам приехали сильнейшие спортсмены мира, и Олимпиада, конечно же, пройдет на самом высоком спортивном уровне.

— В чем коренное отличие подготовки XXII Олимпиады от подготовки хотя бы Игр Монреальских?

— Главное в разнице систем двух стран. Канада — страна капиталистическая, СССР — социалистическая. Известно, что подготовка к Олимпийским играм в Монреале проходила в сложной обстановке из-за забастовок и неосостоятельности некоторых строительных фирм. До последнего дня готовности сооружений к началу Игр вызвала опасения. Московская Олимпиада готовилась планомерно, последовательно, и ее строители ощущали повседневное внимание Советского правительства, поддержку ведомств и министерств. Четко и вовремя выполнены все обязательства, построены и реконструированы 97 олимпийских объектов, в том числе 26 спортивных сооружений, среди которых немало уникальных, впервые осуществленных в отечественной и мировой практике. Последовательно и неукоснительно соблюдались все правила Олимпийской хартии и гарантии, данные Президентом Верховного Совета СССР в связи с приглашением Олимпийских игр в Москву.

И вот теперь, в канун открытия Олимпиады, окидывая взглядом то, что сделали наши строители, все те, кто готовил Олимпиаду, для того, чтобы Игры прошли на самом высоком уровне, можно сказать, что они поработали на славу. Да и как это могло быть иначе в нашей стране!

То, что построено, останется навеки, и наша столица и другие города, в которых пройдут соревнования — Таллин, Киев, Минск, Ленинград, обогатятся рядом уникальных спортивных сооружений, в которых будут заниматься физическую культуру советские люди.

— С нашими пожеланиями вы хотели бы обратиться и к нашим любителям спорта, и к любителям Олимпиады?

— Дорогие друзья, нам предстоит увидеть выдающиеся соревнования по 21 виду спорта, так давайте же радоваться успехам и победам всех тех, кому удастся вписать свои имена в летопись славных олимпийских побед.

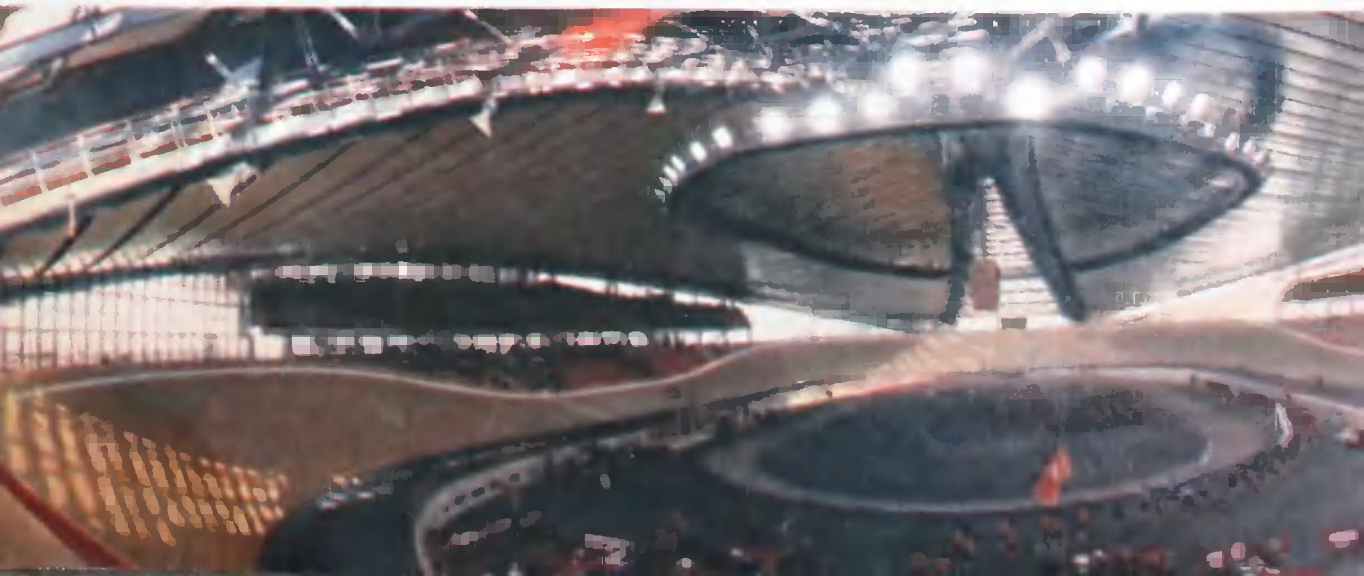
— Что вы хотели бы пожелать всем участникам Олимпиады-80?

— Прежде всего того, чем я закончил свой предыдущий ответ: самых больших успехов, выдающихся побед.

И пусть Москва, советская земля станут им близкими навсегда.

СЕКРЕТЫ ОЛИМПИЙСКИХ ПОБЕД

Виктор САНЕЕВ,
заслуженный мастер спорта

Вот и пришла на нашу землю Олимпиада! Олимпиада, в которой мы готовились с того дня, когда Москва была избрана семнадцатой по счету олимпийской столицей, с 23 октября 1974 года. Но думаю, что не ошибусь, сказав, что мы ждали московскую Олимпиаду задолго до этого дня. Ее ждали те, кто в далеком 1952 году дебютировал на XV Играх в Хельсинки, утверждая в олимпийском мире славу советского спорта. Ее ждали спортсмены, одержавшие победы на стадионах Мельбурна, Рима, Токио, Мехико, Мюнхена и Монреаля. Олимпиаду в Москве ждали не только атлеты, но и вся многомиллионная армия советских физкультурников, поклонники, любители и знатоки спорта.

Теперь мы встречаем Олимпиаду в Москве! Весь народ Страны Советов ждал Олимпиаду, готовился к ней и многое сделал, чтобы XXII Игры прошли успешно. Да иначе и не могло быть!

В мой достаточно долгой спортивной жизни были сотни соревнований. Но над всеми, как горные вершины, высятся три Олимпиады, в которых мне повеселилось принять участие...

Одиннадцать лет назад в журнале «Огонек» был напечатан очерк о лучшем спортсмене 1968 года. Это был я. Неужели с тех пор прошло столько лет? Как быстро летит время! Позже, став старше, я перестал собирать газетные и журнальные вырезки, где рассказывалось о моих выступлениях, но этот журнал храню до сих пор: в нем рассказ о моей первой олимпийской победе, в Мехико.

Это была трудная для наших легкоатлетов — и для всей советской олимпийской дружины — Олимпиада. Из легкоатлетической команды только Владимир Голубничему, Янису Лусису и мне удалось стать олимпийскими чемпионами. Да и нам эта победа досталась в такой борьбе, что и сейчас, 12 лет спустя, трудно припомнить напряжение такого накала.

Судите сами. Лусис, сильнейший копьеметатель шестидесяти годов и безусловный фаворит Олимпиады, сумел добиться успеха только в последней попытке. Мне для победы пришлось улучшить личное достижение в тройном прыжке и дважды устанавливать мировые рекорды, причем последний — 17 метров 39 сантиметров — тоже в последней, решающей попытке. Но, пожалуй,

Фото А. Бочинина

самое трудное испытание выпало на долю Володи Голубничего. На финише изнурительного 20-километрового перехода в условиях жаркого высокогорного Мехико ему пришлось уходить от буквально бежавшего за ним мексиканца Педрасы. Педраса нарушал правила ходьбы, но какой судья решился бы его дисквалифицировать на глазах у заполненного трибунами болельщиками стадиона? И какую волю к победе должен был проявить тогда Голубничий!

Для нас, дебютантов той Олимпиады, победа Голубничего имела особый высокий смысл. Он был не просто товарищем по сборной, но и представителем той поистине легендарной команды, которая в 1960 году в Риме одержала блистательную победу, завоевав 11 золотых олимпийских медалей. И, выступая в Мехико, ведя борьбу из последних сил, Голубничий не только звал нас, молодых, за собой, но и продолжал славные традиции своих сверстников-олимпийцев. Другому представителю той же команды, прославленному бегуну Петру Болотникову, недавно отпраздновавшему 50-летие, теперь была доверена высокая честь стать первым советским факелоносцем олимпийского огня. Да, не рвется незримая связь поколений.

Нам свойственно особое чувство коллективизма, чувство команды (хотя состязания легкоатлетов носят сугубо личный характер), и можете мне поверить, что моя радость и гордость, как радость и гордость моих товарищей, тех, кому повеселилось завоевать в Мехико олимпийские награды, были все же неполными: ведь команда наша выступила тогда неудачно. И похожее чувство я испытал и после монреальской Олимпиады, хотя мне в третий раз удалось завоевать на ней титул олимпийского чемпиона. На этот раз легкоатлетом СССР пришлось уступить по числу медалей спортсменам США и нашим друзьям из ГДР, которые в последние годы стали грозной силой в мировом легкоатлетическом спорте. И может быть, для того, чтобы поддержать моих молодых товарищей, я отложил на четыре года свой уход из спорта и сразу начал подготовку к московской Олимпиаде, где — а в это твердо верю — нашей командой будет под силу повторить успех двадцатилетней давности.

Говоря о нашем возможном успехе, я вовсе не имею в виду фактор «родных стен», который играет не столь большую роль в яростном накале олимпийских сражений, где бы они ни проводились — в Европе, Азии, Австра-

лии или Америке. Не жду я ослабления этого накала и за счет того, что некоторые сильнейшие атлеты не смогут приехать в Москву из-за абсурдной позиции своих правительств. Лучшим свидетельством этого является бурный водопад мировых рекордов, установленных в первые же месяцы олимпийского сезона, — большинство из обладателей выступают в Москве.

Я жду успеха потому, что сейчас, как и два года назад в Праге на чемпионате Европы по легкой атлетике, где нам удалось добыть-ся большого успеха, мы имеем команду, в которой опыт ветеранов счастливо сочетается с дерзкой молодостью, команду, которая буквально горит жаждой победы.

За годы моей долгой спортивной жизни не раз приходилось слышать вопрос: «Что вам помогает побеждать?» В таких случаях я вспоминал Сенева «образца 1968 года». С тех пор я стал старше, опытнее. Наверное, изменились за это время некоторые суждения, вкусы, привычки, но меня по-прежнему роднит с тем Сенева-вым жажда победы. Ее не притупили ни тысячи тренировок, ни сотни соревнований, ни успехи, ни травмы, ни поражения.

До сих пор помню свое первое выступление на Всесоюзной спартакиаде школьников в Волгограде в 1963 году. Я, совсем еще новичок в спорте, занял тогда третье место в тройном прыжке. Сейчас я понимаю, какой это был успех, а тогда... Тогда я плакал, стоя на третьей ступеньке пьедестала почета. Плакал оттого, что очень хотел быть первым.

Выходя на сектор для прыжков, я всегда готов был отдать все силы в борьбе за победу. Конечно, и мне случалось терпеть жестокие, а порой и обидные поражения, лишаться и титулов рекордсмена мира и чемпиона Европы, но я знал: я сделал все, что мог, и хоть сегодня другие были сильнее, завтра сильнее буду я.

Сейчас, когда пишу эти строки, еще неизвестно, смогу ли я взять свой четвертый олимпийский старт. Дают о себе знать и годы и старые травмы. Подросли молодые, сильные соперники, жаждущие олимпийской славы. Из моего, моих последников. Среди них чемпион Спартакиады Геннадий Валукович, молодые Яак Уудмиз, Александр Лисяченко, Геннадий Ковтунов, Евгений Анкин, Александр Бескровный. И каждый может претендовать на место в сборной, где нас, прыгунов, может быть только трое. Но знаю твердо: если сумею пробиться в команду, то вовсе не для того, чтобы просто выступить на своей четвертой Олимпиаде.

Отрадно, что новое поколение советской сборной легкоатлетич-

Железобетонный «краб». Крытый зал «Дружба» в Лужниках * Гостиница в Измайлове. Деталь фрески * Стадион «Динамо». Хоккей на траве * Велотрек в Крылатском.

ческой команды (а многие из ее участников в год моего олимпийского дебюта в Мехико еще только делали свои первые шаги в спорте) не только жаждал победы, но и уверенно в своих силах. И наши дебютантам есть с кого брать пример.

Я уже вспоминал о Янисе Лусисе, о его победе в Мехико. Лусис никак не мог поймать верное движение в броске копья. Только за несколько секунд до последней решающей попытки ему это удалось, и он спокойно выполнил бросок дважды — вначале прорепетировал все движения вплоть до замаха, не выпустив копья из рук, а затем снова разбежался и уже в привычном для себя стиле послал копье в победный полет на 90 метров 10 сантиметров. Поистине хрестоматийный пример воли, опыта, владения собой, а главное, уверенности в своих силах, в своем мастерстве.

Таким же ярким примером уверенности в себе являлся выступление Людмилы Брагиной на Олимпиаде в Мюнхене в 1972 году. Она прибыла в Мюнхен рекордсменкой мира в беге на 1500 метров и прекрасно понимала, что все соперницы будут строить свой бег по ее графику (ох, нелегкая эта задача — быть фаворитом на Олимпиаде), но уверенность в своих силах дала возможность Брагиной совершить то, что не удавалось до нее ни одному олимпийцу в мире: три раза выходить на старт и каждый забег заканчивать установлением мирового рекорда.

Немалую роль в борьбе за победу играет умение атлета трезво оценить возможности — и свои и соперников — и рационально распределить свои силы. Как это делается, показал деуркарий олимпийский чемпион в спринтерском беге Валерий Борзов.

В течение целого десятилетия мне пришлось выступать рядом с этим блестящим мастером бега. И я всегда восхищался его способностью точно определить тот уровень усилий, который потребуются для достижения победы.

Я знаю, что многие считали Борзова этаким рационалистом, стремящимся добиться успеха с минимальной затратой сил. Я думаю, что так могут говорить только те, кто плохо знаком со спецификой спринтерского бега.

У спринтеров на Олимпиадах самая нелегкая доля. Если прыгуны и метатели проводят, по сути дела, два соревнования — квалификационные и основные, то у бегунов на короткие дистанции, как правило, четыре забега на 100 метров, столько же на 200-метровой дистанции, да еще три забега в эстафете 4 × 100 метров. Итого 11 стартов! И если при этом учесть, что плотность результатов в спринте всегда бывает чрезвычайно высокой, то можно представить себе, сколько сил и мастерства требуется от спортсмена, чтобы успешно выступить в таком «многокруговом» испытании.

На мюнхенской Олимпиаде именно такая нагрузка выпала на долю Борзова. Но большой мастер сумел так распределить силы, что, ни разу не пробежав дистанции в полную силу, он тем не менее 10 раз был на финише первым! Лишь в последнем, финальном забеге

в эстафете 4 × 100 метров Валерий планировал, как он сам говорил, бег на сто процентов мощности, но десять предыдущих стартов (Борзов победил в беге на 100 и 200 метров) помешали ему выполнить эту задачу, и он принес эстафету вторым.

В сборной команде СССР были спортсмены, выступавшие в четырех и даже пяти Олимпиадах. Валерий Борзов участвовал в двух и сумел собрать самую большую коллекцию олимпийских наград — 2 золотые, 1 серебряную и 2 бронзовые медали.

Я уже говорил, что в Москве выступит команда, в которой будет много талантливой молодежи. Но, несмотря на молодость, эти атлеты уже имеют немалый опыт участия в самых разных соревнованиях. Теперь важно использовать этот опыт в стрессовой обстановке олимпийских стартов. Такое умение — тоже один из секретов борьбы за победу. Вспомните, как виртуозно меняла тактику олимпийская чемпионка Татьяна Казанкина на Играх в Монреале, где она завоевала две золотые медали на дистанциях 800 и 1500 метров. В 1976 году Таня была дебютанткой Олимпийских игр, а в команду московской Олимпиады Татьяна Казанкина установила новый мировой рекорд в беге на 1500 метров.

За долгие 12 лет мне удалось трижды выигрывать Олимпиады. Но как неστοжи были эти победы. В Мехико успех принес мировой рекорд в последней попытке. В Мюнхене победным стал уже первый прыжок на 17 метров 35 сантиметров (этот прыжок был своеобразной «домашней заготовкой», рассчитанной на то, чтобы сразу ошеломить соперников). В Монреале этот вариант не прошел... Там я тоже рассчитывал повергнуть конкурентов в растерянность первым деловым прыжком, но прыжок оказался с заступом — неудача. Пришлось срочно менять тактику и быть готовым ответить на дерзкий прыжок любого соперника. И когда американец Баттс в четвертой попытке прыгнул на 17 метров 18 сантиметров, я сумел сразу парировать этот выпад прыжком на 17 метров 29 сантиметров. Он и стал победным.

Рассказывая о секретах наших олимпийских побед, я привожу примеры из жизни нашей легкоатлетической команды. Но разве меньше таких примеров у других представителей олимпийского спорта? В его историю навечно золотыми буквами вписано мужество четырехкратного олимпийского чемпиона биатлониста Александра Тихонова, мастерство и воля трехкратных олимпийских победителей — гребца Вячеслава Иванова, борца Александра Медведя, фигуристки Ирины Родниной, спортивные подвиги великого бегуна Владимира Куца, боксера Бориса Лагуткина, гимнастов Винитора Чукарина, Ларисы Латыниной, Людмилы Турчишевой, пловчихи Галины Прозумениковой, фехтовальщика Виктора Ждановича, победы наших баскетбольных, волейбольных, гандбольных и ветерпольной команд... Да разве перечислять имена тех, кто принес славу советскому спорту на семи Олимпиадах!

Наша олимпийская гвардия будет рядом с теми, кто выйдет на старт в Москве.

ИЯ МЕСХИ

Н

Вот это время тому назад Рустваский металлургический завод покидало первое здесь поколение металлургов — те, кто в 1944 военном году, вместо того, чтобы быть мобилизованными в армию, были мобилизованы на тогда еще строящийся завод. Сначала они обучались металлургии на предприятиях России и Украины. Потом здесь, в Рустваси, дали первую плавуку стали, пустили домну, прокатный, трубопрокатный и другие цеха. И не успели оглянуться, как стал подражаться им пенсционный возраст. По происхождению все они были главным образом из крестьян. Став промышленными рабочими, в душе остались сельскими людьми. И тогда начал подражаться этот самый неутомимый возраст (а у металлургов он довольно ранний), их все же потянуло в свои села. Не всех, конечно, но большинство. Коллектив терял сразу что-то около полутора тысяч человек, да еще таких мужиков.

Об этом тогда было много разговоров на заводе. Об этом мы и рассказывали на страницах журнала («Огонек» № 25 за 1975 год, очерк «Прочность»).

Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве» побудило нас вновь вернуться к публикации пятилетней давности.

Добиться эффекта прочности (а значит, надежности, постоянства) — кому-кому, а металлургам известно: это процесс сложный, длительный. Во всяком случае, в сталеварении. Тем более в человеческом сообществе.

Попав снова в рустваский металлургам, я отправился в отдел кадров. Это то самое узкое горлышко, через которое идут утечи из сосуда. Что же делается тут после мощного выплеска первого поколения кадровых рабочих!

Как всегда, по четвергам заседает общественный отдел кадров в составе представителей от цехов, заводских организаций, юристов.

Входит парень с заявлением об уходе. Начальник цеха докладывает:

— Хороший токарь, хороший товарищ. Работает четыре года. Живет в общежитии. Жаль с ним расставаться.

ЕЩЕ РАЗ О ПРОЧНОСТИ

Слово токаря:
— Женился. Жена из деревни, недалеко отсюда. Отец жены не пускает ее в Рустави. Выходит, мне надо туда...

— Какой у тебя заработок?
— Двести—двести лядистей в месяц.

— А сам-то ты хотел бы остаться на заводе?
— Конечно...

— У нас есть в этом селе филиал одного нашего производства. Давайте переведем его туда. Согласен? А там тестя, может быть, и смягчится: вернешься в Рустави...

Парень, довольный, поднимается со стула, выходит. Кадровик, тоже довольный, стоит рядом с фамилией токаря знак плюс: сохранил для завода!

Следующий — машинист разливочного ирана в мартене. Молодой, красивый. Лицо замкнутое.

— Почему подал заявление об уходе?
— Устал...

— Значит, будешь отдыхать?
— Значит Перезажю в Тбилиси, там буду работать...

— Где?
— Молчит. Следует несколько реплик, которые нет нужды тут приводить. Парень темнеет лицом:

— А что? Я хорошо зарабатываю, хочу «Волгу» купить. Здесь мне не помогли, хотя и обещали...

— А если все же поможем, коли это для тебя так важно?

— Поздно! — отвечает он так, будто перед ним стоит на коленях.

— Да оставьте его, пусть уходит, — перебивает кто-то весело, и вопрос исчерпан.

Кадровик ставит минус у фамилии красавца машиниста...

Рабочий кислородного цеха, с пускового объекта. Бледный юноша в модной курточке.

Часто отпрашивается с работы, ссылается на болезнь матери. Проверили — ложь. Зарекомендовал себя халатным работником. Поэтому начальник цеха на его заявление об уходе не ответил: «Не возражаю».

Но последние две недели вдруг стал работать хорошо.

— И так бывает: написал, передумал. Меняется. Разве не следует побороться за него? И люди, собравшиеся здесь ради него (очень занятые люди!), находят нужные слова и доводы. Юноша забирает свое заявление об уходе и, как нам кажется, покидает кадровую комиссию удовлетворенным.

Да, теперь здесь все так же, как на многих других заводах: коучет в основном молодежи, не сидится ей на месте. С другой стороны, именно у молодых возникают все семейные обстоятельства, утрещается личная жизнь. Нельзя с этим не считаться.

Вот и заведует каждый четверг представительная комиссия. Сегодня она сохранила для коллектива (а может быть, и для хорошей рабочей судьбы!) двоих из четверых. В следующий четверг, возможно, потеряет их пятнадцать. За месяц — десять — двенадцать, за год с полторы сотни. Полезная, ошутимая деятельность.

Завод — как второй дом. Если в доме неудобно, неуютно, бежать отсюда хочется. Хорошо, что руставцы нашли пустыню на заворках своей территории и по-

ставили там животноводческий комплекс. Правда, пока только свиноводеру на пятьдесят тонн мяса в год. Удобно, что расширили тепличное хозяйство с огородами и помидорами и построили большое охощеннилице емкостью в тысячу тонн. Удобно, что внутри завода имеются Дома быта, разные магазины, куда можно забежать во время перерыва. Всего этого не было пять лет тому назад.

А уютно? Возможно ли такой громоздкий завод, махину из железных конструкций, труб, многопролетныхзданий сделать уютным? Есть тут и такая попытка!

Заводчики в заводские ворота и видишь нечто такое, отчего хочется улыбаться: небольшое строение, где во врытых в пол горячих кушниках выпекается национальный плоский хлеб. И тут же распродается. Но не это, конечно, вызывает улыбку: уж очень забавно облицован фасад пекарни, весь в художественной мозаике на тему о том, как добывается хлеб. Точнее — как добывается он в Грузии в незапамятные времена: плугари, селяшники, мукомолы, пекари. Минье, наивные предки, земледельцы, которые и придумали этот прекрасный, вкуснее, чем пирожное, хлеб. Берешь его, чуть ли не обжигая пальцы, и — домой, в семью. А забывая мозаика на фасаде делает свое доброе дело — растворяет усталость.

Кто же это выдумал? Кому пришлось в голову на главной внутризаводской магистрали соорудить маленькую сванскую башню, возле которой можно отведать мороженого? Кто вдохнул вторую жизнь в старую градиру у мартеновского цеха, и вместо того, чтобы снести ее, устроил в ней прекрасную тинкельную (пельменную) для сталеваров?

Человека этого зовут Отар Девантулиани. Он руководитель художественной мастерской на заводе. Искусство его самодетельное, так как закончить специальное художественное образование помешала война. Но здесь, на заводе, пять лет тому назад он окружил себя молодыми художниками, выпускниками Тбилисской академии художеств. И вместе они принялись как бы дорисовывать облик завода, постарались сделать его, если так можно сказать, о заводе, более уютным. И вот так появилось большое мозаичное полотно в трубопрокатном цехе, цеховые столовые, декорированные в народном стиле...

В столовой доменного цеха занавес из деревянных геометрических фигур, стены расписаны сюжетами сельского быта, с потолка свисают красивые светильники. Слово не в рабочей столовой, а в баре сидишь.

Тут, за тарелкой борща, мы разговорились с Отаром Девантулиани.

— Профессия доменщика, — смеялся он, — по-моему, самая темная из всех металлургических. В первую доменщикам забегает сон подпрыгивает, отдохнуть. Мне хотелось, чтоб они здесь забыли о своем пиле, грохоте и чирноте. Когда мы закончили делать эту столовую, я пригласил людей из цеха, чтоб они высказались. Одна женщина сказала: «А почему в оформлении не видно, что это сто-

ловая доменщина? Нет наших печей, труб?» Я взял ее под руку, подвел к окну: «А вот они, трубы. Зачем их рисовать?» Тут все зашумели, начали спорить. И я понял, что поступаю правильно: создаю уют, отдыха, пазу для тех, кто занят в горячих и других цехах. И в этом я вижу свое место — место художника на заводе...

Я подумала: разве пять лет назад завод не приглашал художников, не оформлял столовые, доски показателей и так далее? Приглашал, конечно. Но то были люди со стороны, причем в основном женщины, искавшие легкой работы. А тут своя инициативная группа, которая знает на заводе каждый закоулок, душает, продвигает, делает, создает свой стиль. Причем все это дешево, используя многочисленные отходы производства. Результат таков, что тут же, на заводе, можно ничуть не хуже, чем в городе, поесть, купить, починить обувь, сшить платье...

Правда как из горячей печи, заводской вычислительный центр выдал «Анализ причин увольнения по Руставскому металлургическому заводу за 1979 год». Широкая перфорированная бумажная лента легла на директорский стол.

Директор завода Отар Николаевич Суладзе обводит кружочками цифры, вызывающие у него вопросы.

— Вот горячие и тяжелые цеха. А в этой графе так называемые нормальные, то есть не горячие и не тяжелые. Из каких цехов больше увольнений? Из нормальных. И не просто больше, а больше в два раза! Почему? Дальше вопрос с заработной платой: самая большая цифра увольнений с заработной платой, которую нельзя назвать маленькой, — от 150 до 200 рублей. Неожиданно много увольнений с заработной платы двухсот рублей. Опять же почему? Текучесть кадров у нас за последние годы снизилась вдвое, составляет сейчас 11,4 процента. Но все же люди уходят, мешают коллективу стабилизироваться. Какая категория людей уходит и почему? Обо всем этом надо подумать и докопаться до истинных причин...

В начале года на заводе возникла сложная обстановка. В связи с переоборудованием цехов, в первую очередь приходилось временно приостанавливать такое громадное металлургическое производство под изуст. Где-то, неизвестно по какой железной дороге вот уже месяц, как застряли вагоны с огнеупорным кирпичом, и это задерживало ремонт мартеновской печи. В директорском кабинете не удержали местные и внешгородские звонки. Возникло чувство неопределенности: время ли досаждал сейчас с неоперативными кадровыми вопросами? Но Отар Николаевич, на редкость спокойный человек, спросил и себе заместителя своего по вопросам труда и зарплаты Гургам Имановича Шаниулашвили.

На беспорядочность — обратился он ко мне, — со всем производственным неурядицам мы справимся, как справлялись не однажды. А сейчас поговорим о том, что нас по-настоящему сильно волнует. И он показал мне текст своего выступления на пленуме ЦК КП Грузии, показав документы, подготовленные для встречи со своим министром.

Речь пошла о мастерах. Что представлял из себя мастер когда-то, давно? Это был рабочий высокой квалификации, который обеспечивал, организовывал, де-

шил заработанное, не обижая, естественно, и себя за отчисление заботы. Мастер сегодня — не мастер. Иначе не может быть. Но он так же, как и раньше, обеспечивает фронт работы, организует труд, отвечает за выполнение и перевыполнение заданий. Все время рядом, вместе с бригадой. На нем и функции воспитателя. Только при определении заработка членов бригады (сверхплановые, премиальные, прогрессивные и т. д.) он, как ИТР, остается в стороне.

Отар Николаевич говорит:

— В последнем квартале прошлого года премиальные рабочим нашей отрасли повысились еще на 20 процентов. И разница между оплатой труда высококвалифицированного рабочего и мастера, который им руководит, увеличилась еще больше. Теперь мастер иной раз зарабатывает в два раза меньше, чем рабочий. Сегодня был у меня мастер из доменного цеха. «Я», — говорит, — шестьдесят лет учился, чтоб получить право стать мастером. Мой сын в прошлом году не попал в институт и пришел в наш же цех рабочим. Он приносит в дом больше заработка, чем я!» Как хотите, а в понимании недоумение этого человека...

— Мне приходилось общаться со своими коллегами-кадровиками с других металлургических заводов, — вступает в разговор Гургам Иманович. — Та же проблема беспокоит многих. То, что создаются предпосылки для увеличения заработка квалифицированного рабочего, — это очень правильно. Но нам кажется, что мы о мастере немного забыли. По оплате труда его следовало бы приравнять к рабочему.

А как, спрашиваю, реагируют на это сами рабочие?

— В том-то и дело! — чуть не подсккивает в кресле уравновешенный директор. — Именно о нем первые подошли ко мне с этим разговором. Спасибо, моя, за работу о нас, но как-то совместно становится перед мастерами... Вот вам мнение рабочего человека, оно всегда самое справедливое. А беспокой нас все это еще и потому, — заключает Отар Николаевич, — что жизнь притупила нас предвещать причины текучести кадров. Только, казалось бы, наладил одно — не радятся другим, грозит утекать очень важная на нашем производстве категория людей. И это куда серьезнее, чем даже поиск затерявшихся вагонов с кирпичом...

Постоянно, привязанности к месту, к людям, к обстановке — это, конечно, черты характера. Не всем быть одинаковыми. Не у всех звучит в душе эта внутренняя готовность к верности, готовности пережить вместе и хорошие и, может быть, неважные времена. Иной так и норовит перескочить туда, где лучше. А этому ведь не бывает конца. И так продолжаете жить.

Я спросила Отара Николаевича, не разбегаются ли с завода мастера. Нет, оказывается, не разбегаются. Они понимают, что это положение временное, исправится оно. Надо его исправить.

М А С Т Ъ Р Ы

Страна вступила в новую полосу жизни; люди всех профессий обдумывают свою работу, свое призвание, свои дела, соизмеряя их с приближающимся важнейшим событием — XXVI съездом партии коммунистов.

Как работают сегодня мастера искусства? Какие проблемы обдумывают, как обретают новые вершины?

Талантливая семья — композитор Газиза ЖУБАНОВА, лауреат Государственной премии, народная артистка Казахской ССР и Азербайджана М. АМБЕТОВ, народный артист СССР, театралы и кинорежиссер. Их творчество известно не только в Казахстане.

Интервью у них берет корреспондент «Огонька» Ю. ЛУШИН.

— Национальное искусство, живопись, музыка развиваются в Казахстане, как и во всех республиках, свободно и плодотворно, бережно сохраняются традиции. В столичном и областных театрах идут пьесы, постановки, оперы и балеты национальных авторов.

В одной из ваших статей, Газиза, я прочел: «Едва ли найдется народ, который хотел бы видеть свою страну заповедником, музеем хранения реликтовых останков древней культуры. Наблюдают ныне процветание традиций Востока — это не процветание в тепличной, истинная традиция живет в развитии».

Поясните свою мысль.

Г. Жубанова. Фольклор — неисчерпаемый источник вдохновения. Наши казахские юм, сочиненные

народными композиторами и от музыканта к музыканту передающиеся десятилетиями, — шедевры. В них раскрывается щедрая душа народа, его страдания и радости, поэзия родных степей и гор. Как ректор консерватории, как педагог я не устаю повторять своим студентам: учитесь слушать и слышать музыку своего народа, используйте традиции в своем творчестве. Но вот как исползовать? Многие считают, что для музыкальных произведений надо брать фольклор в первозданном виде. Мне же кажется, что этот путь ограничен — на этом пути не будет — настоящего прогресса. Время накладывает свою печать на все творения человека. Оно требует переосмысления сделанного, поиска новых форм, но, разумеется, очень бережного, любовного, охраняющего первозданность мелодии, — ее прелесть, ее идею.

Я не считаю отступлением от традиции народ, когда включает в свои музыкальные сочинения народные мелодии в своем преломлении, в своем «слышании», что ли... Это, собственно, и есть одна из граней композиторского творчества, которая выражает мироощущение современного человека.

А. Мамбетов. Несколько лет назад в Казахском академическом театре драмы я ставил пьесу Мухтара Ауэзова «Кобланды», которая шла на сцене лет двадцать. И столкнулся при этом с неожиданными трудностями. Вроде бы нет сомнений в том, что движения жизни не может не влиять на театр, на содержание и форму сценического образа, на организацию действия спектакля. Но вот некоторые театральные деятели и рецензенты даже изменение привычных мизансцен в спектакле, даже новые сцены костюмов обзвали чуть ли не покушением на национальные традиции! Разумеется, у нас и в мире, ах, этого не было! Я убежден, что театр по своей природе своей является инструментом художественного, социального и политического выражения человека. Точно выверенный временем, он и должен служить человеку, струны душевные трогать...

— Как вы относитесь к мнению, бытующему среди отдаленных режиссеров, что есть пьесы глубоко национальные, любимые своим народом, но, дескать, непонятные для других народов?

А. Мамбетов. Не думаю. Не думаю... Мне кажется, что спектакли «Козы-Корпеш и Баян-Сұлу» Габита Мусрепова, «Кобланды-батыр» Мухтара Ауэзова во время наших московских гастролей были понятны каждому зрителю, а это пьесы истинно казахские. Мне кажется, искусству подлинно национальному ничто не мешает становиться искусством интернациональным. Все зависит от меры таланта. Пьесы Чехова, например, волнуют не только русских людей. И «Дядю Ваню» я как раз собираюсь поставить в Казахском академическом театре драмы.

В 1973 году мы были на международном фестивале театров стран Азии, Африки и Латинской Америки, привезли «Материнское поле» Чингиза Айтматова. Пьесу киргизского писателя играли на казахском языке. Но судьба простой женщины Толгоной оказалась близка и понятна всем, потому что ее преобразованная талантом писателя материнская боль стала болью всех матерей земли, ее судьба — судьбой матери-Родины. Национальное стало общечеловеческим. Поэтому пьеса была понятна без перевода, после спектакля многие подходили к народной артистке СССР Сибире Майкиной, исполнявшей роль Толгоной, и благодарили ее со слезами на глазах. Кстати, музыку к спектаклю, как и к большинству моих постановок в театре и кино, написала Газиза Жубанова.

Г. Жубанова. Музыка по своей природе понятна всем, ее язык не требует перевода. И все же популярно: пятается она истоками национальными. Я казахка. Пишу казахскую музыку, но глубоко убеждена, что слова любого языка помогают рождению национальной мелодии. Строго говоря, ведь в слове тоже живет своя музыка, слово тоже музыкально. Но вот я решила написать оперу на русском языке о подвиге двадцати восьми героев-панфиловцев и задумалась: не слишком ли смелая задача? Целый год я собирала и изучала материалы о панфиловцах. Прекрасные стихи Тихонове, Светлова, Суркова, наших казахских поэтов Аманжолова, Жармагамбетова рождали в душе живые образы... Я вспоминаю, что великий Абай перевел «Онегина» на казахский язык и люди а степях пели эти стихи на его же мелодии, называя их песнями Талыны и Евгения, которые казахам стали родные. Многие и не знали, что поют Пушкина! В детстве я слышала эти песни в доме отца, известного композитора Ахмета Жубанова, где меня

ожидала атмосфера народного искусства, его традиции, но еще и русские книги, русская речь. С детства я говорю на двух языках, окончила с золотой медалью русскую школу, затем училась в Москве, в консерватории, у замечательного педагога, выдающегося музыканта, профессора Юрия Александровича Шапорина. О нем, добром человеке и большом художнике, я всегда вспоминаю с благодарностью. Но вернусь к опере. Против моего ожидания, она как-то сразу «пошла» у меня — не скажу легко, но естественно, без натуги, принося творческие муки и радости. Там есть монолог Василия Ключкова — на русском языке. Есть арии казах Эсбүлатова, киргиза Шопкова... Естественно, что в сочиняла музыку, стремилась выразить не только характер героев, но и их национальные черты. Главное, чтобы произведение убеждало, отвечало правде жизни, большой идее, спланивало людей.

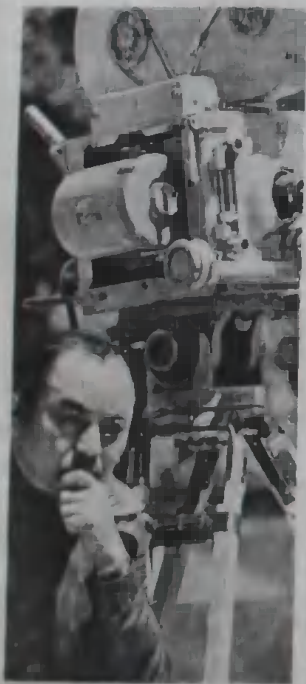
— Кстати, вас не задает мнение, что опера, моя, очень устаревшая, что она не для нашего времени?

Г. Жубанова. Может быть, и задает. Но не настолько, чтобы я боялась за судьбу оперы. Убеждена, что этот жанр и сейчас живет и развивается полноправно и будет жить всегда.

Другой вопрос, какова станет опера в будущем. Но это уже от нас, композиторов, напрямую зависит! Опера не песня, а сложнейшее произведение, музыкальный роман, если можно так выразиться. Для того, чтобы «прочитать», понять такой роман, нужны некоторые подготовительные читатели, то есть слушатели.

Нужно их готовить: учить воспринимать и пониманию серьезной музыки — оперы и симфонии. И готовить нужно в детском саду, в школе, где музыкальные занятия, к сожалению, проходят подчас формально. Очень обидно видеть, как люди сами себя обкрадывают, непродуманно отрезают добрый кусок мира, лишая себя общения с гениями — Бахом, Бетховеном, Чайковским, Моцартом, Шостаковичем...

А. Мамбетов. Да, это не просто — общаться с гениями... Знаю по себе. Несмотря на то, что наш режиссерско-композиторский семейный дуэт с Газизой существует много лет — мы вырастили и воспитали взрослых уже гениев детей, — я, например, только подошел к настоящему пониманию симфонии. Это действительно целый мир, полный страстей, этой архаичной и прекрасной жизни. Как ее услышать! Мы ведь начинаем знакомство с музыкой отнюдь не с Бетховена, это естественно. Первая музыка — колыбельные песни детства. Потом идут полу-

Ежегодно в канун 22 июля в ПНР подводятся итоги необычного конкурса. Участвуют в нем маленькие провинциальные города, в которых проживает почти всякая часть населения страны. Что же дает конкурс? За ответом корреспондент «Огонька» отправился в Лиманову, городок, который уже не раз выходил победителем этого своеобразного состязания.

Поляки говорят, что выражение «у черта на куличиках родилось» — на самом деле Польша, в воеводстве Новы-Сонч. Такие неширокие улочки, старый костел над черепичными крышами домов, вокруг лесистые склоны бескид. На Рыночной площади — Центр услуг. Мои спутники из Варшавы привезли работу местным мастерам — перешить устаревшего фасона воротнички на блузках. Почему не в столицах? Тут делают быстрее и дешевле.

Да, через полчаса все было готово. У нас правило: сегодня на сегодня! — сказала заведующая Хелена Муль. Только для сложных заказов —шить костюм, пальто — срок исполнения максимум четырнадцать дней. На столике лежал журнальчик мод — там я видел иланжана в варшавских киносах. Увидела и табличка на двери: «Открыто с 6 до 22 часов».

Видно, вам пришлось удивиться тут?

Нет, перешли на работу в две смены.

С 6 до 22 — так удобно рабочему человеку? — открыты и другие мастерские. Тут радио- и телемеханика, столярки, сапожники, ювелиры, даже специалисты по ре-

новские посиделки, встречи со знаменитыми людьми...

Словом, здесь удобно жить и работать, здесь не чувствуется заолустья, хоть и лежит городок на самой окраине страны. Не обошли его стороной война, разруха, запустение. В сорок пятом на Рыночной площади — Центр услуг. Мои спутники из Варшавы привезли работу местным мастерам — перешить устаревшего фасона воротнички на блузках. Почему не в столицах? Тут делают быстрее и дешевле.

Да, через полчаса все было готово.

У нас правило: сегодня на сегодня! — сказала заведующая Хелена Муль. Только для сложных заказов —шить костюм, пальто — срок исполнения максимум четырнадцать дней. На столике лежал журнальчик мод — там я видел иланжана в варшавских киносах. Увидела и табличка на двери: «Открыто с 6 до 22 часов».

Видно, вам пришлось удивиться тут?

Нет, перешли на работу в две смены.

С 6 до 22 — так удобно рабочему человеку? — открыты и другие мастерские. Тут радио- и телемеханика, столярки, сапожники, ювелиры, даже специалисты по ре-

средства на покупку нескольких автобусов, асфальта для дорог, недостающих материалов для постройки детского и автовокзала; лес, камни, песок — свои, под рукой, а где взять строителей? Прикидывали так и эдак — нет, все сразу не под силу городскому бюджету. Тогда на общем собрании мы и обратились к жителям: нужна ваша помощь! Будем ждать лучших времен или возьмемся за дело сами, сообща? Вот что особенно важно: конкурс дал нам повод для делового разговора с жителями, возможность убедить их, что нельзя мириться с застоем, бесперспективностью. Конкурс помог пробудить самый богатый, неиссякаемый источник — общественную инициативу.

Два детских сада, автовокзал, первые километры асфальтированных дорог появились в Лимановой в том же году. На стройку вышли все, кто болен душой за родной город, кто стремился как можно быстрее изменить его облик. И через год тут открылись филиал Краковского завода измерительных приборов, машиностроительная станция, несколько кустарных мастерских, расширилась фабрика — с помощью государства (оно охотно пошло на встречу местным начинаниям) и за счет собственных резервов.

— Теперь можно было подумать и об остальном, — продолжает товарищ Дудек. — А не хватало бытового комфорта, налаженной сферы торговли и обслуживания, условий для отдыха, спорта. Но укрепились материальная база, повышалась отдача от уже сделанного — нам стали по плечу и более смелые проекты. Скажем, провести газ в дома горожан. В десяти километрах бездействовало месторождение — для

да хорошевшая Лиманова. Сегодня на счету у каждого жителя десятки и сотни часов, безвозмездно отработанных на общее, а значит, и собственное благо. Только в прошлом году стоимость их составила 16,5 миллиона złotych — почти пятую часть городского бюджета.

В 1971 году Лиманова стала «Вице-мастером», через год — уже победителем конкурса, «Мастером хозяйственности», еще через четыре — снова второе место. В 1977 году Госсовет ПНР награждает город орденом Трудового Знамени, а в 1979-м он получил премию 35-летия республики — за достижения в развитии инфраструктуры, сферы торговли и услуг, базы для туризма и спорта, за образцовую чистоту и эстетику.

...Юзеф Гужик, начальник производства деревообрабатывающей фабрики, подарил мне на память о Лимановской зонтике, с веселым узором на боку кувырочился из липы. От делов-праделов сланился городок поделками по дереву. Не угас древний промысел! Для народных умельцев открыт надомный цех. На самой фабрике около тысячи человек. Она самая крупная в стране поставщик бочек, которые идут и на экспорт, в том числе в Советский Союз. Фабрика — крупнейшее предприятие города; естественно, она не в стороне от общих забот.

В первую очередь тут подумали об условиях труда. Смонтированы вытяжные устройства, звукоизоляция; рядом с цехами — столовая и магазин. Еще недавно горы отходов захлывали территорию, теперь они приносят доходы: щепа отправляется на бумажную фабрику в Пшемисль, брикеты из древесной пыли и норы продаются населению для печей, из обрезков изготавливаются сувениры, ящички, корблики, отделочные материалы — все реализуется через местную торговую сеть. Нот — 15 миллионов złotych годовой прибыли. Бригады фабричных рабочих участвуют в сооружении социаль-

культурных объектов. В следующем году будут строиться ясли — фабрика бесплатно поставит для них деревянные элементы.

Пан Гужик пригласил нас к себе. Гужики живут на окраине Лимановой, в одноквартирном доме, который построили сами — государство предоставило ссуду, а электрика, водопроводчика, отделочников пригласили из Центра услуг. Весь квартал из таких домов. Горсовет выделил участок, будущее новоселы сообщают его расчистили.

Хозяйка дома, лани Мария, учительница начальных классов, — важное лицо в движении «Жители — городу»: она член «Комитета самоуправления». Семь лет назад она появилась по всей стране и избирается из жильцов — в каждом доме (если он многоквартирный), на каждой улице, в каждом квартале.

— Что решает ваш комитет, лани Мария?

— Мы следим за чистотой в своем квартале. Организуем сбор пищевых отходов для соседнего кооператива, который выделил для этого транспорт. Кроме того, вносим предложения по благоустройству города и контролируем выполнение уже принятых. Вот, скажем, на последнем заседании обсуждался ремонт дороги в центр и школы, где учатся наши ребята, строительство детского площадки. Комитет решал, кто из жителей квартала и сколько часов отработает на стройке.

— Много времени отнимают у вас общественные дела?

— Почему «отнимают»? — возразил муж. — Для города — для себя! Дом сами построили, долги нам с соседом сколотить местную торговую сеть. Нот — 15 миллионов złotych годовой прибыли. Бригады фабричных рабочих участвуют в сооружении социаль-

Сбор макулатуры и металлолома поручен школам, за каждой закреплена свой район, в определенные дни горсовет выделяет машины. На вырученные деньги в этом году строится Дом молодежи. Особенно ждет его Петр, восьмилетний, старший сын Гужиков: здесь будет семь мастерских для ребят, иружин — замочный, радиолубительный, фотографов, живописи и резьбы, театральные. Средний, 14-летний Павел, профессию уже выбрал: учиться на первом курсе механического училища здесь же, в Лимановой, будет автомехаником. В ближайший выходной Павел едет с курсантами в горы, собирать камни для мозаики в фойе Дома молодежи.

Итак, городские власти, предприятия, сами жители. Но кто же соединяет полномочия одних, интересы других, добрую волю третьих? Это завет — комитет Фронта единства народа, самой массовой в Польше общественно-политической организации. В Лимановой пять районных комитетов ФЕН и общегородской. Руководит им Чеслав Богач. Как часто гаснут самые благие начинания, натолкнувшись на нерешительность, равнодушие, попусту лени! Богач — энергичный, строгий, бодрый в шестидесят один год, беспокойный и требовательный — душа всех добровольных починков, их организатор и проводник. Целый день на посту — и на том, за который получает зарплату (он директор машиностроительной станции), и на том, где награда — лишь доброе слово земляков. Как идут дела на очередной стройке, все ли и в срок выполняют свои добровольные обязательства? Эти же вопросы обсуждаются на регулярных заседаниях комитетов ФЕН. Здесь намечается и перспектива, берутся на заметку предложения снизу, от комитетов самоуправления. В конце года собирается

общегородской комитет ФЕН с участием представителей горкома партии, народного совета, всех предприятий и учреждений. Мэр Лимановой знакомит общественность с проектом плана развития города на будущий год, выслушивает ее предложения, предварительно рассматривая в комитете ФЕН. На следующем, тем же представительном заседании утверждается уже окончательный план, составленный с учетом и возможностей городского бюджета, и вклада предприятий, учреждений, самих жителей. Составляется четкий график — кто и сколько отработает на намеченных объектах, кто поедет за лесом и камнем, кто привезет в порядок территорию вокруг новостройки. Через районные комитеты ФЕН, комитеты самоуправления график доводится до всех. И — за дело!

Вот и все «секреты» знаменитого в Польше городка. Можно винить кого-то в недостатках или находить им объективные причины, но самому оставаться в стороне. Это позиция обывателя. Можно засучить рукава и навести порядок у своего дома, на своей улице, на своем рабочем месте. Именно так и поступили в Лимановой. Пример ее убеждает: «Мастером хозяйственности» может стать любой город, каким бы маленьким и отдаленным он ни был. Все зависит от людей, их отношения к своему делу, чувства гражданского долга и профессионального долга. А конкурс стал лишь той формой, которая вдохновила здоровый местный патриотизм, стимулировала поиски, инициативу, личное участие каждого.

Как родился конкурс? Города с населением до 15 тысяч человек в Польше 589. После

вышленность и ремесла: торговля и общественные латание: физкультура, туризм, условия для активного отдыха. Всего в условиях конкурса в насчитал 37 пунктов. Они охватывают все — от культуры местными предприятиями изданий водного ассортимента до оснащенности улиц дорожными знаками. Есть даже там, где строились «Сбор честного дуба». И там, где «Помощь и опора над людьми пожилого возраста». Словом, это соревнование разностороннее, всеобъемлющее, неразрывное.

За то, как выполняется каждый из пунктов, городу выставляются определенные баллы. Скажем, план ремонта квартала выполнен в срок — город получил 4 балла; если план выполнен с небольшим опозданием — всего 1 балл. Оценки выставляются неслышно по проведенному конкурсу, созданным в каждом воеводстве. Суд ее строгий: в немешине работают представители самих городских, они-то уж не допустят, чтобы сосед получил завышенный балл!

Воеводства жюри не отбирает и кандидатов в «мастера». Основательное слово — за главной жюри конкурса в Варшаве.

Я встретился с председателем жюри, секретарем Всепольского комитета ФЕН Виталдом Ярошым.

— Мне очень приятно отметить ваш интерес к польскому конкурсу городов, — сказал он, — и буду рад, если что-то из этого опыта похерит для себя советские читатели. Ведь и в Польше, и в Советском Союзе, и в других социалистических странах задняя — повышение эффективности хозяйствования. А в том, что конкурс стал именно такой школой, нет сомнения. Превраще запустения в наши городам преобразились, стали бурно расти! А каждый год приносит новые свершения — городам во славу, людям на пользу. Ее не измерить только материальными благами. Конкурс помог нам воспитать талантливых организаторов и хозяйственников,

Б. ЛАБУТИН,
специальный
корреспондент
«Огонька»

ГОРОДАМ ВОСПЛАВУ-ЛЮДЯМ НА ПОЛЬЗУ

монта пищащих машин, не говоря уже о сапожниках и парикмахерах. Позаботились и о жителях 23 деревень гмины, центр которой — Лиманова. В крупных — постоянные приемные пункты, в небольших знают день и час, когда привезет служба быта. Городом коти невелики, а разбегались окрест на добрых десятках километров. Есть шесть автобусных маршрутов. Улицы заняты зеленым асфальтом, по вечерам освещены. Больница — современная, пятиэтажная. Спортивный центр — просторные залы, бассейн, стадион, сауна. И база отдыха на берегу Лысой Горе видят подъемники. В городе четыре детских сада и восемь школ. И услуги населения широкая сеть магазинов, три ресторана, шесть кафе. А все население — одна-дцать тысяч человек.

В особом почете у них чистота. С дворниками в Польше тоже не просто, в Лимановой их нет вообще, но улицы будто только после уборки. Много газонов, садов, ухоженных пар.

Победителя ждет почетный титул «Мастер хозяйственности» и премия в 5 миллионов złotych, двух «Вице-мастеров» — по 3 миллиона złotych. За всемерное использование собственных резервов и созданию новых рабочих мест, за развитие местной промышленности, сферы услуг, торговли, спорта, за чистоту и порядок на улицах, за инициативу и выдумку — словом, за образцовую культуру хозяйствования.

Конечно, конкурс заставляет задуматься прежде всего руководителей города, — рассказывает Чеслав Дудек, секретарь городского и гминного комитета ПОРП. — Да, у нас скромный бюджет, нет мощной строительной базы. Но всегда ли мудро распоряжаться тем, что имеем, умело ли расходуем каждый złoty, ценим каждую пару рабочих рук? Например, парня из соседнего села устроились на фабрику, но как добраться до города? Молодая женщина пошла бы работать — ну куда деть малыша. Когда подобрали все эти резервы, оказалось, что вполне можно было бы открыть еще одно предприятие, надо только создать людям условия для работы. Но как? Хорошо, город может выделить

промышленной эксплуатации нерентабельные, для маленькой Лимановой — а самый раз. Газифицировано уже триста квартир! Или, например, перегородили плотную местную реку — раньше она затопляла часть домов. В пруду сейчас разводили рыбу, летом тут прекрасный пляж. Вас удивил Центр услуг? Да, эта сфера — важный элемент социальной политики ПОРП, и это понимают люди, которые здесь работают. Пример их предприимчивости — недавно открытая скорнячная мастерская: из отходов с кожевенной фабрики в Новом Сонче здесь делают модные сумки, ремни, сувениры. Помимо прочего, прибавка опять же в городскую казну! За последние пять лет Центр увеличил оборот вдвое. А вот конечный результат — в прошлом году городской бюджет перевыполнен на четверть.

Разумеется, не все было просто-гладко. Приходилось преодолевать инертность некоторых хозяйственников, с иными и расставаться. Не все из горожан с первого дня приняли идеи конкурса. Но лучшими аргументами против скепсиса и равнодушия становились новые и новые совместно сооруженные объекты, год от го-

Фото Э. Сулясов

Центр Лимановы

войны возродились и росли промышленные центры, а «глубинка» еще долго оставалась один на один со своими проблемами: недостатком жилья и работы, неустроенностью быта. Там, где развита малая городов была едвае ниже, чем в больших.

К середине 60-х годов, когда была восстановлена страна, настала черед навести порядок и здесь — чтобы более равномерно разместить промышленные и обслуживающие предприятия, ограничить чрезмерный рост крупных городов. Партия и правительство разработали программу активной защиты малых городов, в которых не намечалось строительство крупных промышленных объектов. Совет Министров республики учредил особый фонд. В такой обстановке и родилось начинание, о котором 13 лет назад сообщал журнал «Рада народных».

В первый же год в конкурсе приняло участие 360 городов.

Как определяется победитель? Каждый город получает регламент, утвержденный секретариатом Всепольского комитета ФЕН. Здесь определяются задачи по пяти разделам: рациональное использование средств бюджета и его расход на добровольные начинания, коммунальное хозяйство и содержание городского фонда, физкультура и спорт, туризм, условия для активного отдыха.

На столе у товарища Ярошымского лежала очередная стопка о ходе конкурса. Конечно, он еще не мог сказать, что станет в этом году победителем. Но ясно одно: победителем не будет!

Итак, городские власти, предприятия, сами жители. Но кто же соединяет полномочия одних, интересы других, добрую волю третьих? Это завет — комитет Фронта единства народа, самой массовой в Польше общественно-политической организации. В Лимановой пять районных комитетов ФЕН и общегородской. Руководит им Чеслав Богач. Как часто гаснут самые благие начинания, натолкнувшись на нерешительность, равнодушие, попусту лени! Богач — энергичный, строгий, бодрый в шестидесят один год, беспокойный и требовательный — душа всех добровольных починков, их организатор и проводник. Целый день на посту — и на том, за который получает зарплату (он директор машиностроительной станции), и на том, где награда — лишь доброе слово земляков. Как идут дела на очередной стройке, все ли и в срок выполняют свои добровольные обязательства? Эти же вопросы обсуждаются на регулярных заседаниях комитетов ФЕН. Здесь намечается и перспектива, берутся на заметку предложения снизу, от комитетов самоуправления. В конце года собирается

общегородской комитет ФЕН с участием представителей горкома партии, народного совета, всех предприятий и учреждений. Мэр Лимановой знакомит общественность с проектом плана развития города на будущий год, выслушивает ее предложения, предварительно рассматривая в комитете ФЕН. На следующем, тем же представительном заседании утверждается уже окончательный план, составленный с учетом и возможностей городского бюджета, и вклада предприятий, учреждений, самих жителей. Составляется четкий график — кто и сколько отработает на намеченных объектах, кто поедет за лесом и камнем, кто привезет в порядок территорию вокруг новостройки. Через районные комитеты ФЕН, комитеты самоуправления график доводится до всех. И — за дело!

Вот и все «секреты» знаменитого в Польше городка. Можно винить кого-то в недостатках или находить им объективные причины, но самому оставаться в стороне. Это позиция обывателя. Можно засучить рукава и навести порядок у своего дома, на своей улице, на своем рабочем месте. Именно так и поступили в Лимановой. Пример ее убеждает: «Мастером хозяйственности» может стать любой город, каким бы маленьким и отдаленным он ни был. Все зависит от людей, их отношения к своему делу, чувства гражданского долга и профессионального долга. А конкурс стал лишь той формой, которая вдохновила здоровый местный патриотизм, стимулировала поиски, инициативу, личное участие каждого.

Как родился конкурс? Города с населением до 15 тысяч человек в Польше 589. После

ДЕЙНЕКА

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Дейнска. Лирика и гражданственность. Спящий малыш, нежный, трогательный. Мир детских грез, букет васильков. Тишина... И вдруг вы ясно слышите стук маленького сердца — трепетный, звонкий. Крошечное начало рода людского. Биение века — гулкое, неумовное, беспредельное, заключенное в атоме человеческой плоти. Аромат полевых цветов, свежесть летнего утра. Неугадность мечты самого художника в его стремлении к чистоте, правде. И тогда вам становится понятен другой Дейнека — яростный, гневный, суровый. Любовь и неприятие, а грозные часы — ненависть, вот в чем великий гуманизм искусства Александра Александровича Дейнеки, познавшего смысл бытия творца, — в борьбе света и тьмы, в вечном сражении, в познании той радуги жизни, которая видна каждому, но непостижимо сложна в пластическом выражении, властно требующем выразительности взгляда самого мастера. Ибо, по сути, в какое бы время ни жил большой художник — всегда, каждый час, каждый день, он ведет битву за свет. Другого не дано. Нет великого искусства аморфного, бесполого, нейтрального. И чем ярче талант, тем определеннее звучит его музыка, тем звучнее, чище тембр голоса, тем переначнее мелодия его песен. Ведь нет немых полотен. Любой талантливый холст говорит, поет, рассказывает. Можно годами пытаться вникнуть, познать тайну гармонии, заложенную в творчестве того или иного живописца, но если он истинный художник, нет сомнений, что основа гения — время, в котором он живет, любит и ненавидит. Еще не было поры на нашей земле, когда Человек мог воскликнуть: «Я спокоен! Мир безоблачен. Сон нерушим. Ложь и коварство не существуют». Увы, не только в драмах Шекспира бушуют страсти, они владеют нами ежеминутно, ежедневно, и круговорот жизни тем и отличается от небития, что люди подвержены волнению, их одолевает думы о несовершенстве, мечты о светлом грядущем. Это состояние открытия, беспокойства, неутоленности желания и есть суть поры, в которой мы живем. Ибо наш двадцатый век до краев переполнен драматургией, мы являемся свидетелями величайших свершений, грандиозных взрывов, сотрясавших до основ нашу планету. Мы все обвита силовым полем, сотканном из горя и радости рода человеческого. Гнев оскорбленных народов, чванство и истерия власти инуищих, зловещая тень золотого тельца омрачают атмосферу Земли. Художник, вникший в это постыдное апокалиптическое сражение света и мрака, должен обладать мужественным сердцем, нежной душой и твердой, сильной рукою. Таким был Дейнека.

Пройдя по залам его выставки в Академии художеств, словно зришь грандиозную панораму жизни нашей страны. Слышишь грохот маршей Октября, веселый шум первых строев молодой Страны Советов, до твоего слуха долетают звуки песен юных создателей новой жизни. И когда на нашу Родину напала фашистская орда, появились полотна, в которых мы словно окунаемся в самую гущу страшных, героических будней Великой Отечественной. Сожженные села, тревожная военная Москва, опаленный Севастополь — все это предстает перед нами как великая художественная хроника, как летопись той эпохи.

Раньше других художников Дейнека ощутил дыхание Победы. Уже в 1944 году, когда фронт от Балтики до Черного моря еще сотрясался от грома канонад, от воя и грохота бомбежек, когда каждая пядь земли была искорежена, изуродована металлом, когда гарь и дым застилали само солнце, мастер пишет оду радости жизни.

«Раздолье... Погосний день. В голубом мореве тают белые летучие облака. Русское раздолье вольно раскинулось на тысячи верст. Непешено течет река, чуть темнее на перекатах, мощно несет она свое полноводье, играя яркими бликами. Гудит ветер в темно-зеленых лапах ели, обнявшейся со светлой березкой, шелестит в стеблях сухой травы, выжженной солнцем. На кругогорье быстрее ветра вбегают группы девушек. Они мчатся, еще влажные после купанья, их загорелые тела сверкают на жарком свету. Развеваются, выются по ветру русые косы... Гордящим дыханием юности, свежестью, чистотой, солнцем пронизан этот большой холст. Художник услышал биение молодых сердец, и ритм — вольный, волнующий — определил колорит и композицию картины. Это далеко разнесит песню радости, она достигает могучего бора, тающего на горизонте в синей дымке, гулко звенит на прибрежных песчаных пляжах.

Победа была уже не за горами, но художник горько переживал потери, понесенные Родиной, и отразил это в бессмертных холстах. Он любил свой Курск — город, в котором родился и вырос. Александр Александрович лежал вместе со всей страной, когда в жестоких сражениях на Курской дуге была одержана трудная, но тем более великая победа. «Раздолье» — ответ Дейнеки на разные подвиги наших армий. Это полотно — красочный салют вольности, вновь завоеванной в смертных боях, ответ честного, бескомпромиссного мастера всем мракобесам и эллиям Запада: глядите, Россия жива, победа, чарующая. Ее девушки сродни античным богиням — стройные, длинноногие, быстрые, как мечта.

Дух Эллады... Он витает вокруг нас. Детство. Тускло вспоминаю белую блузку матери и брошь-камену, на которой впервые увидел юную красавицу девушку с тонким, прямым профилем, высокой прической и какой-то удивительно гордой осанкой. С того мига прошло более полувека, весь этот долгий путь меня сопровождают молча, иногда сдержанно и задумчиво улыбаясь, чудотворно сложные, несущие в себе музыку давно ушедших веков фигуры и бьют героев, богов, богинь, атлетов, просто неведомых людей, поэтов, философов, ваятелей, ученых. Это Эллада. Древняя, вечная по цельности и духу гармонии пора. Ведь, невзирая на все достижения XX века, на вершины науки и техники, освоенные людьми, все же эти образы, встречающие нас в парках и старых дворцах, музеях и галереях, непостижимы и загадочны своим непокоримым духовным магнетизмом, той эманацией прекрасного, которая отличает зоревую пору культуры человечества — греческую античность. Конечно, изучая историю Древней Греции, мы сталкиваемся со многими сложностями, несправедливостями и дисгармониями, присущей любому классовому искусству. Но искусство Эллады — абсолют совершенства по своим дивным пропорциям, линиям, внутренней наполненности, а главное — той квинтэссенции красоты, которая в течение всех последующих веков будет оплодотворять совершенной пластикой, гармонией культуру Земли. Наша страна, как ни одна держава мира, достигла высот в развитии человеческого духа.

Вершины духовности — Рублева, Толстой, Достоевский, Чайковский, Рахманинов и многие, многие другие весомо определили роль России в становлении культуры и искусства нашей планеты. Эта мудрая прозрачная ясность мышления, миропонимания и определяет доброту нашего народа, его миролюбие.

Спросите у этих счастливых девчат, задайте вопрос этим необъятным просторам, бездонному голубому небу, светлым берегам, выбежавшим на берег могучей реки, и вы прочтете в каждой изобразительной строке этого эпического «Раздолья» только одно слово — мир! Народ, переживший за свою многовековую историю столько сражений за право быть самим собой, — не с окружим. Слишком много охотников насаждать свои нравы, свои законы было вокруг Руси. Нетерпелив, спокоен, добр наш народ, пока с ним дружат, но если он увидит лицо врага, то ответ один. Он сказан в древние годы: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет».

Обернитесь...

Напротив картины «Раздолье» в экспозиции выставки — полотно «Сбитый ас», созданное в 1943 году.

«Сбитый ас» показывает нам судьбу врага, посмевшего напасть на нашу Отчизну.

Страшно ошметинились колючие, острые надолбы. Они вбиты в землю Родины — разрыты, изуродованы окопами и рвами. Следы глубоких воронок от авиабомб. Шрамы войны.

Окраня города, дымные, обгоревшие руины домов. Горько, одиноко торчат трубы печей, зияют смертные глаза окон разрушенных зданий. Разбитые, искореженные, сваленные набок военные грузовики. Сизо-синяя, гневная течет река. Почти черная застывшая соснового бора. И над всем этим хаосом, разрухой и ужасом — высокое серое небо с беслыми прорывами свинцовых туч. Жуткую тишину мертвой земли внезапно пронзят режущий вой. Смердя, таща за собой дымный шлейф, куда-то за раму падает фашистский самолет.

Сложился в гибельную тоску руки, прикрывая голову и держась за ремни нераскрывшегося парашюта, прямо на надолбы летит сбитый в бою нацистский ас. Коротко стриженный «под бокс», с пепельными волосами. Скошен до прижизни заголовок, сомкнуты челюсти, сведены скулы. Закрыва глаза, падает этот герой «фашистского рая» в объятия смерти. Художник нашел единственно правдивый образ. Он не издевается над переступающим порог жизни человеком. Дейнека — русский. Он мужествен, суров, но не фашистически жесток и не злобен. И поэтому его холст еще страшней в своей открытости. Мы до боли ощущаем не наступивший миг столкновения врага с чужой землей.

Конiec один.

Вспомним «Охрану Москвы», «Оборону Севастополя», «Сгоревшую деревню», и у нас не останется сомнений по поводу позиции автора картины.

Он ненавидит врага. Но Дейнека не становится от этого бесчеловечным. Святая ненависть дает ему силу зримо показать причинность конца агрессора.

Спленные Отчизна, являлица родных мест, оплавленная земля, которую возмемали пороботить эти сверхчеловеки, с иголки одетые, выбритые, аккуратно стриженные, пахнувшие одеколоном, снабженные первоклассной техникой. Они забыли только об одном — что война, кроме сражения железа, есть еще и битва духовных сил народов. И вот здесь был заложен крах блицкрига. «Сбитый ас» бескомпромиссно современен. Его силуэт напоминает нам о событиях совсем недавних, о зловещих пророчествах, о неисполненных надеждах людей, возомнивших себя выше других.

А. Дейнека. 1899—1969. ЮНОСТЬ. 1961—1962.

Государственный музей искусств имени Р. Мустафеева
Баку

ПОД КУРСКОМ. РЕКА ТУСКАРЬ. 1945.

Государственная Третьяковская галерея

А. Дейнека. БЕГ. 1933.

Государственный Русский музей.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

Но вернемся к искусству Дейнеки... Обгоревшие цветы, шуршащие на ветру, сожженный ковыль, ржавые откосы глины. Взирая на произведение со своей провидческой силой холст, еще и еще раз горько задумываешься над той легкостью, с которой некоторые стратегии повергают целые континенты под удар новой, более страшной катастрофы. Ведь «Сбитый ас» — это еще и пророческий намек на те катастрофы, которые ждут любого агрессора, посягнувшего на наш образ жизни. Картина еще раз подтверждает, что искусство, принадлежащее своему времени, — бессмертно. Оно рождает ассоциации, будит мысль, заставляет биться сердце зрителя.

Смертная тоска этого фашиста написана рукою художника-гражданина, кисти и палитра которого были отданы служению Родине. В картинах Дейнеки нет недоумков, дурацких или, упаси бог, бессмысленных, столь модных для искусства «модерна». Дейнека — реалист. Его музыка публицистична. Язык его творений сродни поэмам Маяковского. Они величественны и монументальны. Их голос слышен издали, хотя колорит сдержан до предела. Искусство художника поражает соединением станковой и монументальной живописи.

Курский босоногий мальчишка гоним голубой, ходил с ребятами на рыбалку. Сизый туман вставал над Тускаррой, забийки ветер рвал рубашонку, гудел в ветках на кленов, гнал стилоу рыбь по реке. В детстве рано ворвались гульные паровозные гудки: Саша любил ходить на работу к отцу. Железная дорога, пахнувшая нефтью, углем, пылью, научила парнишку понимать суть рабочего дня, ценить труд. Он заблел тоскою по стремительным линиям рельсов, semaфоров, стрелок.

Юность, нелегкая, но наполненная романтикой астреч и расставаний. Теплые беззвучные летние ночи. Черные руки деревьев ловят шевелящиеся звезды. В бездонной тиши вдруг раздается разная песня курского соловья. Все это создало душу лирическую, но неспокойную, прямую. Александр Дейнека, широкоплечий, крепко сбитый курянин, гордился теми легендами, какие слыхал о своих земляках, еще в старину обитавших степные набеги кочевников. Этот характер родичей — строгий, храбрый, твердый был частью его, самой сердцевинкой. И когда Курск в 1919-м стал ареной кровавых боев, он нашел свое место в рядах бойцов Красной Армии. Саша Дейнека было известно лицо белых, ведь Курск брал Шкуро. И сын железнодорожника познал звериний лик контрреволюции. Он ходил глухими ногами по пустынным городам, слышал цокот копыт конных патрулей. Его слух достигали одинокие сухие выстрелы, крики, стоны людей. Рано он понял, что жизнь испытывает человека и что судьба зависит во многом от собственной твердости и чистоты.

Еще мальчиком он начал рисовать. Мать собирала этюды, не зная тогда их истинную цену. Да едва ли кто-нибудь мог признать в этом упрямом и остроглазном юнце будущего великого художника. Но когда в красноармейской шинели, жистый, молчаливый, он переступил порог ВХУТЕМАСа, все студенты, не говорящиеся, признали его. Такая хватка была у молодого вхутемасовца, рисовавшего жестко, до удивления схоже с жизнью. Он писал неспешно и цветно, но увлеклся современными течениями. Дейнека, как птица, пел свое время, и в этом был его гений.

— В общении ВХУТЕМАСа на восьмом этаже старого дома на Мясницкой нас жило четверо. Окошко нашей коммуналки до сих пор вижу, когда прохожу мимо, — рассказывает один из Куркинских, народный художник СССР Николай Александрович Соколов. — Однажды, а это было в 1924 году, сосед по нашей «кемеле» Ваня Попков говорит: «Пойдем в гости, познакомлю тебя с Дейнекой». Мы все знали этого большого, хотя и молодого художника-вхутемасовца. Двор ВХУТЕМАСа был тогда настоящим клубом. С сентября там все собиралось и делилось летними впечатлениями, горячо спорили.

И всегда в центре одной из групп стоял Дейнека, его окружала плотным кольцом молодежь. Крепкий, как бы сказал, особо, по-спортивному, собранный, всегда выбитый, гладко причесанный, какой-то свежий на фоне некоторых бородастых, нечесаных «студюзовсов», вечно бравящихся своей нерасширительностью, он был очень заметен. Рядом его уважали за твердость суждений, немногословность и житейскую мудрость.

И вот мы в Лиховом переулке, — продолжает рассказ Соколов. — Нас встретил хозяин — Александр Дейнека. Глаза острые, как шопор. Белая рубашка с распахнутым воротником. Весь он походил на боксера или тренера.

Меня поразила скромность обстановки. Одна комната метров в шестнадцать. Это он в ней через три года напишет «Оборону Петрограда», взяв вместо отсутствующего мольберта чеподан с книгами. Александр Дейнека сказал: «Будем пить чай».

Простой стол, накрытый клеенкой. У стены прислонена картонная доска. Диван. Мы не видели ни мольберта, ни палитры, ни кистей... Пуританская обстановка. Пили чай. Хрустели сушки. Дейнека рассказывал про Курск — остро, наблюдательно, с каким-то своим зрением. Вот его короткий рассказ:

«У нас в Курске булыга, пыль. На вывеске одной павлонки — мастерской жестянщика — слова: «Циник. Жестянщик». Вы бы видели этого циника. Хилый, бледный мастерской. Когда рассказывал, даже не улыбнулся, только зыркнул своими прищуренными глазами. Я вспомнил Маяковского. Тот никогда не смеялся, хотя и говорил о смешных вещах. Дейнеке было всего двадцать пять, но по хватке, живописи, рисунку уже чувствовался мастер».

Как прекрасны полотна Дейнеки, посвященные спорту! Думается, публицистичность, социальная острота глаза живописца несколько не мешали ему любоваться Человеком, увлекающимся физической культурой, движением.

«Эта Фета». Вот поистине странце нашей молодости, полная динамики, воли к победе.

Среди зрителей, под вышшими по ветру спортивными флагами в толпе стоит сам мастер. Он в белой рубашке рядом с девушкой, держащей букет цветов.

Гудит горячий асфальт, бегут короткие сиреневые тени. Жаркий

полдень. Плывут белопарусные корабли облаков. Загорелые, сильные, юные, мчатся спортсмены по просторному проспекту «Кольца б». Majорное, светлое полотно, как звук времени, мимолетно и вечно в своем утверждении жизни. Треть века — тридцать три года прошло со дня создания этого холста, но он написан будто сегодня, так далеко вперед глядя художник, так современен и точен почерк живописца, так молода была его душа.

«Юность». Эта картина все звенит от скрытого движения, от упрямого желания преодолеть, взлететь выше. Острое геометрическое пересечение прямых линий — пестрой палки, белоснежных очерченных трибун стадиона, колья в руках у спортсменов, наблюдающих за прыжком подруги. Все на миг будто останавливает время. Художник изобразил тренировку. Стадион безлюден. Но сам пейзаж, воздух полон, упругий и звонкий, дают нам полноту ощущений, удовольствие от занятий спортом.

С редкой, поражающей четкостью и остротой чувствования мастер ритм эпохи, силуэт юны. Особенно поражают сегодня герои, населяющие эту «планету Дейнеки», — мускулистые, смелые, гордые.

Художник шагнул открытой им новой дорогой. Пусть некоторые искусствоведы находят ранние истоки его творчества на Западе. Не стоит спорить об этом. Далеко ушел сам Александр Александрович от почерка своих молодых холстов. С годами живопись стала сложнее, палитра солнечней, кисти мягче и острее. Он обрел вместе с опытом ту юную мудрость, которая свойственна лишь художникам, слышащим голос своей эпохи. Так неотразимо просто мастера итальянского Ренессанса Доменико Венециано, Пьеро дель Франческо... Как любил их Дейнека. В его мастерской рядом с холстами и скульптурами можно было увидеть великолепные репродукции картин Луки Синьорелли, Микеланджело, Мантэни.

Дейнека — сын своего столетия. В нем жила душа первооткрывателя, но дух новаций нисколько не мешал ему любить Рафаэля.

Александр Александрович — художник величайшей культуры. Он сочетал природный ум уроженца славного города Курска — и любил называть себя курянином — с постигшим европейской широтой вкуса, постигшим современного интерьера, дизайна. Примию, как-то вечером после рабочего дня он рассказывал мне, как много сделали Матисс, Пикассо, Леже для современного костюма, силуэта, архитектуры, типа модели.

В этом ощущении всемирного хода искусства, во «всеобщности» Дейнеки, сочетающейся у него с величайшей принципиальностью, гражданской чистотой, прямотой, и сложился, наверное, тот уникальный художник, который создал свой, «дейнековский» тип героя — героя нашей страны.

Искусство. Каким необъятным кажется оно в руках мастера. И каким жалким, смутным, уродливым, утверждающим лишь свое ничтожество становится оно, когда даже талантливый художник воспекает не свой народ и Отчизну, а лишь «зго». Соба. Тогда это не возр свободной птицы, выходящей мир во всемvolебном свержении бытия, а взгляд червяка, ползущего по корням гигантского дерева жизни и со своего «червякового» ракурса ощущающего мир во всей его странной суетной детальности. Вот откуда рождаются цинизм, полное пренебрежение к гармонии, красоте. В этом сложная простота расщепления любых проявлений формализма XX века, в основе которого — эгоизм, дилетанство и эпатиж.

Если импрессионисты показали человеку мир, отраженный в зеркале пленэра, то уже через полвека художники-модернисты это дневное зеркало разбили. И люди с ужасом увидели мир, скользя с осколками вразрезги истерзанного стекла. На полотнах формалистов двадцатых годов цельность восприятия была погублена, растопчена и искромсана во имя, казалось бы, передовой мысли — отразить экспрессию, динамику новы.

Характерны, поучительны черновики Дейнеки к картинам, которые я увидел в архиве мастера. Порою на отдельном листке бумаги простым грифельным карандашом крупным почерком отлиты, как в броске, ясная фраза. Художник не брал в руки карандаш или перо, не выносил в сердце, глубоко не переживал возмущения его идею. Этот принцип характерен вообще для творчества Александра Александровича, которое имело очень определенное и сложившееся с годами правило. Началом любого холста был взволнованный мастера жизненный факт, импульс, зажегавший искру. Дальше пламя замысла зажегало душу художника. Порою этот процесс эмоционального наполнения горячего был длителен. Затем после окончательного сложившейся пластической формулы живописец готовил рисунок, каркас композиционного решения. И вот наступал момент творческого взрыва — Дейнека фантастически стремительно писал холст. Это было похоже на удар молнии. Некоторые полотна созданы за несколько часов. Знаменитая «Оборона Петрограда», по рассказам современников, написана меньше чем за две недели!

Вдова художника вспоминает, что портрет «Ванюго конструктора» утром еще представлял собою мистый холст. Вечером, когда Елена Павловна вернулась с работы, картина была написана.

Бродя сегодня по выставке работ Дейнеки, как бы ощущаешь этот радостный акт сотворения. И какой бы трагической ни была картина, видне чеканная простота, с которой она написана. Душевная открытость, честность, взволнованность автора мимолетно передается зрителю, словно участвующему и вновь переживающему светлые и горькие страницы летописи нашей Родины. Равнодушных на выставке нет!

Магический кристалл гения Дейнеки был глубоко гражданствен. Любые поэтические явления, самые интимные по звучанию темы всегда обретают под кистью мастера зрую очерченность во времени. Глядя на его холсты, всегда скажешь: это двадцатые, тридцатые, сороковые годы. Так точны состояние, характеры, силуэты полотно мастера.

— Композиция, — говорил Дейнека, — имеет много правил, но в основном главное правило искусства, что художественное произведение имеет свойство показывать явление глубже, цельнее, внутренне убедительнее, чем это может сделать голый жизненный случай.

Факт — случай — шедевр искусства. Сколько энергии, лирической заповедности, наконец, богатства души, поэтического полета нужно иметь в запасе, чтобы так понять смысл, ядро, причинность жизненных явлений. Да, дорога к шедеврам — это путь труда, человеческого по требовательности отбора, владение тончайшим чувством рисунка, цвета, колорита.

— Я желал найти новую красоту, новый пластический язык, — сказал однажды художник, — и эта новая, большая, юная, требовала новых ритмов, новых живописных планов.

Обостренный «пластический слух» давал тот накал остроты, непосредственность силуэта, рождая удивительно острый правдивый стиль. Реалистический и романтичный. Лирический и гражданственный. Стиль Дайнеки.

Александр Александрович обладал пушкинским даром понимать всю планетарность явления Человека. Его холсты, созданные за рубежом, потрясут своей точностью попадания, тонкостью нюансов, невероятной перекрестной осязаемостью. Не раз я ловил себя на мысли, гуляя по Риму, что он создал как бы экстракт, символ великого города в своем шедевре «Лица в Риме», написанном в 1935 году. Густое синее небо с одиноким высшим белым крохотным облетком. Цвета синие, голубая стена с окошком-иллюминацией, античная скульптура, красные розовые монеты в черных головных уборах, рабочий с серым молодым лицом и бегущие горячие тени — это вингетсенция, написанная живописцем без тени гротеска, но предельно колоритно и раскрыто. Как ни странно, при всей многолюдности, небистости туристами древний Рим, его памятники открываются от суеты будней, и создается иллюзия пустынности. Этот феномен передал Дайнека.

Как непохож на Рим Дайнеки его же Париж, с обжитыми старыми домами, кровавыми переулочками, уличными кафе. Живописец нашел свой ключ к колориту столицы Франции — серые, голубые, иногда ярко-красные тона.

Почти уникальной по теме, колориту, а главное, состоянию является картина «Ночь». Черная пуста арка зеркала. Полка, уставленная парфюмерией, безделушками, настольными предметами туалета, флаконами, пуговкой для пудры, букетом сухих цветов. Спина к нам женщина, сильная, полубожевенная, она поправляет прическу. Цепкие руки, тажевший браслет и — зеркала — черные прорези глаз, магические чарующие. Алый рот, ярко накрашенные помадой губы. Эта картина по своей экспрессии и тайне сюжета, необычного для художника, одинока на выставке. Незнакомка — так, пожалуй, звучит в творчестве Дайнеки этот холст. Рядом с ним на стене «Парижанка» — великодушный этюд, решенный в красных, алых, багровых, теплых тонах. Элегантная блондинка в крохотной, ныне снова модной шляпке с розовым пером.

В просвете двери, рядом с «Ночью» — русская мадонна XX века, «Мать». После всех просмотренных работ еще раз убеждаешься, что это жемчужина творчества Дайнеки. Все величие духа русской женщины, гордая красота сильного тела, чужаная тонкость лица, склоненного над прильнувшим к ее широкому плечу малышом, — все написано мощно и мягко. Часами можно стоять у этого холста, размышляя о нескончаемости и бездонности темы. Века пролетели, сменились названия государств, изменились формы их устройства, а тема «мадонны» жива и будет жить, пока живет Земля. Хотя надо заметить, что некоторые истерично настроенные люди делают все, чтобы наша маленькая планета если и не взорвалась, то, во всяком случае, на много лет стала безлюдной...

Живописец был мудр и мужествен. Вот он глядит на нас с «Автопортрета» 1948 года. Художник пережил гибель друзей, его родные в Курске были в оккупации. И вот на пороге полувека — Александр Александрович родился в 1899 году — musste тыплатно вглядываться в нас. Крепкий, с фигурой атлета, в запяте, он с перекинутым через правую руку полотенцем только что вышел из душа. Волосы, гладко причесанные, еще влажные. Позади него — многозначительная деталь — на полу стоит пустое чистое полотенце на подрамнике. Мастера ждет работа. И он готов к труду, подвигу, спору, а если нужно, к бою. Таков Дайнека — гражданин своей великой державы, «Автопортрет» подчеркнуто прост. В нем нет тайны, колдовства света и тени, неразгаданной улыбки. Я бы сказал, этот холст подвинуто выстроен, поставлен. Это манифест мастерства. Никаких скидок на манерность, формальности, изыски, недоговоренности. Но это не та серая безликая подробность, которая носит вполне научную формулу — натурализм. Нет! Это боевой реализм. Мастерство высшего класса, не боявшееся ракурсов, знающее структуру пространства. Умение, стоящее на фундаменте великих традиций мировой и русской классики.

Проходя анфиладу залов выставки произведений Александра Дайнеки, словно полетаешь в гигантскую аэродинамическую систему, которая испытывает тебя самого на прочность, стойкость, чистоту твоей души. Полотно живописца бескомпромиссно. В них звучит честное сердце мастера, который любит либо ненавидит. Художник ясен. Но это не означает, что он прост и односложен. Искусство Дайнеки пристрастно. Он отдал свой гений целиком, без остатка, времени, в котором вырос, возмужал.

В наши дни нередко говорят о сложности, многозначности искусства. Это прекрасно! Но, однако, это все же не означает путаницы, двусмысленности, эллитизма, подражательства и заигрывания с формализмом.

Расскажите цветнику вкладку нашего журнала. Вглядитесь еще раз в дату написания «Раздолья» — 1944 год. Он восполнит эти русские девушки, словно летящие над голубыми просторами своей свободной земли. Сейчас они улыбаются, милы, добродушны, но именно они, эти девчата, в страшный миг военного испытания стали бы Зойей Космодемьянской, Лизой Чайкиной, Уляй Громиной. Мудрые «советологи» и «кремлеведы» будут еще десятки лет размышлять о «русской загадке». Им не понять, этим прагматикам, что подвиг рождается в мире жизни, счастья, любви. Именно тогда, как простой ответ врагу, воз-

никает состояние, в котором честь твоей страны и твоя личная судьба становятся едины.

Сегодняшний мир сложен. Тысячи профессионалов ломают голову, как замутить воду, как изобразить белое черным, как сместить понятия добра и зла, свободы и рабства духа. Не потому ли некоторые «историки» так боятся говорить правду о событиях Великой Отечественной, не хотят вспомнить дружеские рукопожатия у Эльбы, солдатские объятия союзников на земле, породившей нацистскую агрессию.

Остановитесь у картин Дайнеки — «Оборона Севастополя», «Сгоревшая деревня», «Окрина Москва», и вы почувствуете всю суровую былую тех дней. Неповторимые приметы времени, которому принадлежал художник. Но как жестоко напоминает нам мастер о войне, о рунках, об изрытой земле, о миллионах погибших.

Счастлива та, кто знал Александра Александровича Дайнеку. Слушал его. Запоминал его удивительные слова об искусстве.

Незаметно пролетают десятилетия, но и сегодня перед глазами стоит образ этого замечательного Человека. Правду говорят, что гора кажется тем выше, чем больше удаляется от нее путник. Так и Дайнека. Чем больше проходишь времени, тем все monumentalнее и мощнее обрисовывается огромный Художник, поразительно прямой и мудрый.

Он любил повторять:

— Говорить об искусстве так же трудно, как рассказать о разнице в запахах яблок — антоновки и бумажного рюмча.

— Молодость должна знать, что хочет. Но это еще не значит мощь. Я сейчас, в свои зрелые годы, больше всего боюсь быть моралистом и жить за счет накопленного авторитета. Беда многих художников старшего поколения в том, что они на дорогах искусства предпочитают знаки запрещающие, а не указующие. А кому же, как не молодежи, пробовать, искать выразительные смелые слова и образы, самими прочувствованные и пережитые.

Поражает простота, откровенность пластики Дайнеки. Где бы он ни был, что бы ни писал, его полотна почти символы, знаки, обретающие словно мистическую реальность.

Много написано строев, цехов, самолетов нашими художниками, но, пожалуй, никто из них не создал столь обобщенно острого образа нового, как Дайнека. Одним из качеств мастера была огромная культура, школа, знание поэзии, музыки, литературы и, конечно, прежде всего изобразительного искусства. Александр Александрович превосходно писал. Вот его слова о гениальном итальянском художнике: «У Микеланджело ничего лишнего, один человек, остоу дерева да глыба пустой земли. Но перед вами встает целый мир».

Это никак не означало, что энциклопедические знания истории культуры и искусства мешали Дайнеке быть новатором. Ему помогали в поисках новых мощных общественных темпераментов, воля и совесть творца. Но сложная простота композиций Дайнеки требовала, кроме огромного чувства, фундаментальных знаний, великого дарования, еще и колоссального труда. Вот этого и не понимают ныне подражатели искусству Дайнеки, по существу, ополчающиеся стиль мастера своими грубыми, псевдомонументальными «модерными» подделками.

Мастер говорил о таких псевдонатурах:

— Слишком быстро многие художники впадают в привычный схематизм признанной левизны композиции, трафарет поз. Уродство человеческого облика не вяжется с нашими представлениями о красоте человека.

Дайнека любил молодежь и очень терпеливо относился к ищущим.

— Терпеливо необходимо, — считал он, — и к возможным ошибкам художника в поисках прекрасного. Жизнь меня научила понимать, что настоящее искусство, его стиль создается человеческими страданиями и радостью и что непростит стилистичность. Сумма впечатлений, приходящаяся на мою долю, иногда меня потрясает. Я смотрел, как многое меняется, желал найти пластический язык новому, красивому, большому. Дайнека остановился. Большая рука описала крупную параболу: — Девушка напрягла мышцы, и, обострив контур молодого тела, рывком летит с вышины, распластав руки, в воду! — Фигуры меняются, прыжки то острей, то плавно, то широкое, но всегда прекрасные. А возле бухты медленно разворачиваются на воде гидросамолеты и, выровнявшись, упрямо, бешено резвящаясь, отрываються от воды, с ревом несутся над ватшей головой, и летчик вам улыбается. Дайнека замолчал и задумался. — А потом на фоне на снегу я видел сбитого летчика, и он был, как убитая птица... Двадцатый век, век контрастов.

Как-то вечером мы бродили с Дайнекой по набережной Москвы-реки. По густой темной воде, как светлые стрелы, плыли, летели лодки-скифы, острей, стремительней.

— Иногда, — промолвил Александр Александрович, — я будто слышу голоса отца, матери, друзей, близких. Песни далекой юности, спокойную речь учителя и плач старухи, безнадёжный, страшный, над умершим сыном. Потом я слышу запахи цветов, самые разные, самые тонкие, ведь каждый цветок пахнет по-своему, свой запах имеют разные сорта яблок, смородины, деревьев.

Мгновению я вспомнил, как Дайнека любил сам растить цветы. Раз он привез шесть кустов жасмина и посадил на участке дачи в Переделкине. В последний год жизни взял да и вырастил целую грядку астр. Стемнело. Крымский мост прочертил закатное небо.

— И может, оттого, что в так много встречал несчастья, гора, — тихо сказал Дайнека, — я уразумел, что это все скрывается песня, задрог, искусство и что есть в мире красота. Искусство — это немножко идеал. Желание большего, чем видишь, чем живешь. Я считаю: искренность — основа искусства.

...Над Москвой-рекой летали чайки. Их крики, пронзительные, тревожные, волновали душу. Высоко на холме горело золото куполов кремлевских древних храмов.

Виктор ШИРОКОВ

Что-то происходит с нами,
потонули и старине.
Может, стосковалась память
по музейной тишине...

Чувство Родины, России
в нас острее запоет
от небесной звонкой сини
и рябины у ворот.

Ступишь на дощатый мостик,
ахнешь сам — а что с тобой?!
Вроде ты поехал в гости,
а попал к себе домой.

СИВЦЕВ ВРАЖЕК

П. А.

Переулоч Сивцев Вражек.
Сколок сказочных речей.
В этот каменный вражек
человеческий ручей
затекает... Здесь — заказник
зданий, мыслей и фоном.
Чувств непреходящих праздник
здесь витает надо всем.
По булыжником горбатым
здесь влеклась арба невагод.
В переулоч за Арбатом
птица Вымысла живет.
Я иду к поэту в гости —
через страны и века,
и густых метафор гроздь
так и сыплет с языка.
Расписной, как тульский пряник,
льнет и ластится косяк...

ЛИЦА ДРУЗЕЙ

Сивцев Вражек, я твой данник.
Получи сполна ясяк.

Не знаю, что это такое,
когда, четырежды права,
в земле,

без солнца,

под землею
растет упорная трава.
Она не зелена.

И все же
назвать ее бесцветной

жаль —
извечный цвет свободы

ожил
в ростке,
свернувшись в спираль.
Весной светлей

и ближе дали...

Так сильный выглядит добрей.

Кониси — она и впрямь одарит
суровой нежностью своей!

БОТАНИЧЕСКИЙ САД

Ботанический сад.
Одомашненный лес.
Вне железных оград
светлый купол небес.

Льется в каждый прогал
тишина. Синева.

Этот строгий хорал
заглушает слова.

И плывут облака,
и качается куст,
и ребенок бежит
по траве босиком...

Все сплось, все летит,
все в порыве одном!
Соты с солнцем, дружок,
мы уносим с собой.
Шмель заводит данник.
Стынет мед голубой.

Благолепие рейского сада,
винограда студеной спесь
не нужны мне, поскольку досадно
быть счастливым и ночью и днесь.

Трудоемка природы основа,
свет и тень перемешаны в ней,
и рожденные разумом слова
долговечней минутных страстей.

Может, только привычкой
и страданию,
за которым работа души,
формируется центр мироощущения
в самой затейливой и таинной глуши.

И поэтому ночью и днесь
не бросаю убогих снастей,
мысль — мой парус в бескрайней
вселенной,
Маяки — сотни выплывших в ней.

КУВА

Кува... По-коми: мертвая вода.
Слова, и только... Смерти нет следа!

По берегам цветущие луга.
Не молкнет гам. Бессонный барагол
Полна движенья грудь живой реки —
волна с волной бегут вперетонки.
И, прерывая свой далекий путь,
порой садятся утки отдохнуть.
И, в пригоршину набрав речной воды,
плывет девушка, не чувствуя беды.

Быть может, где-то в сонной
глубине
все то, что так тревожит сердце
мне?

Кува... О чем первопроходец
знал,
когда печальным именем назвал?
Быть может, здесь товарищ
знаком?
и он с тех пор остался одинок?
Быть может, в нем надежда

умирает,
что зла не вносит добрые дела?
Быть может, сам он счеты свел
с судьбой,
когда шмурок увидел голубой...
Кува... Ветхозаветная река...
Который век течешь издавна?
Скажи, над кем твой тагостой рок?
Что мне сулит твой голубой шмурок?

А может, сам я, мучимый тоской,
найду разгадку, став навеки твой?
Слезой по небу светится звезда...
Кува... По-коми: мертвая вода.

Ты старинное русское имя
на сегодняшней карте найди
и точчас поэзией во Владимир,
в Золотые ворота войди.

И откроется чуткому взору
красота заповедных затей:
соборные шепки соборов,
белизна древнерусских церквей.

Ветер времени, мощный и резкий,
колокольным ударит крылом,
и отныне рублевские фрески
не померкнут в сознание твоём.

Здесь — глазами владимирских
зодчих,
сотворивших высокий музей,
ты взглядишься острее и зорче
в стены храмов и в лица друзей.

Петро ПЕРЕБЕЙНОС

ВЫСОТА

На черных лентах чихнет
позолоту.
И скорбный ветер яростно
самсит.

В пространстве
над могилкою пилота
пропеллер,
как душа его,
летит.

ЗАРНИЦЫ

Он рвется высь — и нет ему
преграды.
Он мир сумел увидеть и объять.
Тут ясно все.
Тут лишних слов не надо.
Тут просто надо молча постоять.

Гранит слезится горькой
позолотой.
Простерли крылья хлебные поля...
Застыл пропеллер —
памятник пилоту,
и все быстрее вращается Земля...

Перевел с украинского
Игорь ФЕДОРОВ.

Расти скорей, сынок,
я научу
тебя косу точить
и на рассвете

росистые зарницы
класть в покос.
Ты знай, сынок:
я сам, как повелось,
науку эту принял
от отца,
отец — от деда,
дедушка — от прадеда...
Скажу по правде:
страшно,
если вдруг
со мной угаснет
в вечной неизвестности
живой огонь
науки всех наук...
Нет,
пусть далекий аяк
в горячий мозг
впечатает на совесть:
чтобы комбайны
двинулись в хлеба,
пусть пролагают
вечную косую.

КАКТУСЫ

Кактусы, диало-скульптуры,
странен и чуден ваш вид!
Державаша натура
многое мне говорит.

Пики зеленых штандартов
целятся в сердце мое,
властных законов стандарта
скульптор ваш
не признает.

Эта нескромность обликов
чем-то тревожит меня.
Манит ваш мир необычный,
тайну рожденная краля.

Смелые дети природы.
в каждой ялице — новизна,
род ваш колючий и гордый
немогущих колюч не знает.

Бьется в игольчатой плоти
вечности вашей ялица...
Кактусы, людям отойдите
суть своего естества!

Авторизованный перевод
с украинского
Евгения КРИКЕВИЧА.

ВОПРОС «ДВЕНАДЦАТИ»

В ноябре 1990 года исполняется 100 лет со дня рождения великого русского поэта Александра Блока. Эта дата включена в международный календарь ЮНЕСКО «Празднование великих годовщин и исторических событий». «Огонек» начинает публикацию материалов, посвященных выдающемуся сыну России.

Владимир ЕНИШЕРЛОВ

«Во мне не изменилось ничего... но только рядом с авторстепенным прокулось главное».

А. А. Блок
(Из письма, Май 1918 г.)

В своих воспоминаниях К. И. Чуковский приводит разговор о «Двенадцати» между Блоком и Горьким. Горький заметил, что «Двенадцать», по его мнению, — злая сатира. «Сатира? — спросил Блок и задумался: — Неужели сатира? Едва ли. Я думаю, что нет. Я не знаю».

Далее критик пишет: «Он и в самом деле не знал, его лирика была мудрее его. Простодушные люди часто обречались к нему за объяснением, что он хотел сказать в своих «Двенадцати», и он, при всем желании, не мог им ответить. Он всегда говорил о своих стихах так, словно в них сказались чья-то посторонняя воля, которой он не мог не подчиниться».

Здесь вспоминаются слова другого поэта: «Щетиню, художник, ты мишишь, что творения свои ты создал?» И пушкинское: «Но лишь божественный глагол до слуха чуткого коснется...» Однако воспоминание, как едва обрушился Л. Н. Толстой на концепцию о том, что писатели, художники всегда лишь проводят в мир интуитивно постигаемые ими идеи. Вероятно, несмотря на успехи естественных наук, решить с достоверностью вопрос о роли бессознательного в творчестве удастся еще не скоро (если вообще удастся). Мы же попытаемся разобраться, насколько возможно, в том, что нам доступно, — в сознательном восприятии художником окружающей действительности. Прежде всего приведем свидетельство самого Блока, противоречащее заключению критика о том, что и его лирика была мудрее его. На возмущающее стихотворное послание З. Гиппиус Блок пишет: «Я отвечаю Вам в прозе, потому что хочу сказать Вам больше, чем Вы — мне, больше, чем лирическое». Это не единственное свидетельство того, что Блок понимал недостаточность выразительности мысли поэтическими средствами.

Как соотносится жизнь и искусство? У Блока — как пожар и зоревое: «Чтобы по бедным заревам изгнать искусство, — узнали жизни гибельный пожар!» Но поэт — творец, создающий космос из хаоса, его задача: «Строй находить в нестройном виденье чувств». Очевидно, от того, насколько удалось поэту преодолеть «нестройный виденье в гар-

монии, от степени совершенства этой гармонии зависит судьба его творения: чем совершенней гармония, тем больше отклик в сердцах людей.

В этом отношении Пушкин недостижим. Каждое его стихотворение гармонично, соразмерно, просто и ясно.

В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И знойной рифмой замыслились.

А. Блоку раннего периода его творчества не всегда удавалось находить «послушные слова». Оттого-то и неясны были некоторые из его «Стихов о Прекрасной Даме». А. М. Толстой вспоминал, что, «когда самого Блока спрашивали: «Ну, хорошо, объясните мне самому, что значит это: «Утренняя молитва» мистиче...», он со слабой улыбкой прекрасных губ отвечал простодушно: «Уверю вас, я сам не знаю». А один профессор даже поведал, что, читая письмо под заглавием «Сто рублей за объяснение», в котором предлагал «всюду — в том числе и автору — уплатить сто рублей за первую из общепубликуемых изданий стихов Александра Блока: «ты так светла...»

Сам Блок считал, что «написал стихи о вечном и вполне несомненно, что рано или поздно должно быть воспринято всеми (не стихи, а эта вечная сущность)». В юные жизни поэт говорил: «Я написал один первый толк, — очевидно, мне в нем ту самую «вечную сущность», которая не подверглась переосмыслению. Если читателей и сегодня заверяют блоковские напевы, то, вероятно, благодаря смутному ощущению каменной этой «вечной сущности», которая пробивается сквозь «непослушные» слова, подобно тому, как «белое зарево, видное издали, позволяет судить о силе пожара».

Обратим внимание, что значительная поэзия и от автора «Двенадцати», как и от поэта «Прекрасной Дамы», требовали разъяснений, что стоит за словами, за образами. Блок не успел, как намекался в конце жизни, проинвентаризовать «стихи о Прекрасной Даме». Духовно близкие ему люди не имели нужды в расшифровке этих стихов, потому что они, как и поэт, инстинктивно ощущали ту самую «вечную сущность». Но тем не менее там все было нудно сложное: мистические переживания, культ Вечной Женственности, отражающиеся в «Стихах о Прекрасной Даме», требовали соответствующей духовной организации, или (что, впрочем, менее достаточно) постижения их через религиозно-философские произведения, бывшие в то время в моде, в среде, питавшей Блока. Блок — создатель «Стихов о Прекрасной Даме» — поэт своей души. Но какова была эта душа?

«Бойсь» души моей двуликой... Эта осознаваемая двуличность чрезвычайно много определяла и в личности и в творчестве Блока. Если поэты, вообще, есть люди «странные» с общепринятой точкой зрения. В них странное все: и творчество, и мысли, и речь, и образ жизни, и характер отношений с окружающими. Причины странности людей, чуждого существа в своем «странном» для других мире, чаще всего не испытывают чувств, ущербности, скорее, может быть, превосходят по этности и по божественности. Или же вообще не замечают своей непохожести. Молодой Блок — певец Прекрасной Дамы, певец «наслаждений». Блок, подернутый мистическим видением в духе Вл. Сорокина, при знакомстве поражаля людей,

до того знавших только его поэзию, несоответствием своего юнцким, неизведанным миллионам бедных, и глядя на это миллионы тех же, не знающих, в чем дело, но голодных, истердавшихся «глаз, которые видели, как гарцевала стальной и кожаный барин». Принадлежавший класс должен был омадать мест безжалостной и жестокой, как того заслуживал. Поэтому-то он пишет З. Гиппиус: «Не знаю (или — знаю), почему вы не увидели октябрьского величия за октябрьскими гримасами, которых было очень много — могло быть во много раз больше». Сли же он, понимая величие, принимал и гримасы и даже освещая их: «В у каждого красноегвардейца вижу английские крылья за плечами». Недаром в поэме: «Черная злоба, Свистал злоба».

Нам кажется, что слова Блока, взятые эпиграфом и этому очерку, чрезвычайно важны для понимания блоковской поэзии. Что Блок считал «чуждыми» в себе, было, наверно, всем, во всяком случае, многим, если не понятно, то известно, «главного» же большинства в нем не подорожал и не омидало. А когда увидел — не захотел поверить в органичность, оправданность всем прошлым опытом появления «Двенадцати».

Стоит ли сейчас перечитывать старую прессу, когда нам и так достаточно ясно сама поэма и независимо от нее социальная позиция автора? И представляется, что Блок считал «чуждыми» в наших днях приглядеться и тогдашним литературным и общественным страстям, вызванным появлением великого произведения. Это яркий пример тасбики связи литературы с жизнью, еще одно доказательство того, что настоящее искусство в России непременно затрагивало общественную проблему, порождая споры из сферы искусства в социологию, иногда неожиданно для автора.

Но это необычное сочетание, вероятно, явилось камнем преткновения для большей части критиков различного толка.

Чтобы понять, почему Блок принял революцию, недостаточно анализировать только его лирику, как это делали чаще всего современные ему критики. Только рассматривая совокупно Блока — поэта, прозаика, публициста, общественного человека — в его переплестке и разговорах, интимно-потопного — в его дневниках и записных книжках, — можно по крупицам собрать единое его глубинное, диалектическое социальное мировоззрение. И тогда, может быть, получим мы, пусть косвенный, ответ на вопрос, на который, поставленный в лоб, он и сам не мог ответить.

«Господа, вы никогда не знали России и никогда ее не любили», — пишет он в записной книжке, в связи с шумом негодования, вызванным его статьей «Россия и интеллигенция». Блок не только ясно понимал, что революция неизбежна, но он и признавал ее историческую оправданность.

В 1918 году в дневнике он пишет: «...Я люблю програвать по убогой деревне на красивой лошади; а люблю спросить дорогу, которую знал и без того, у бедного мушкетера, чтобы «профронт», или с маленькой бабкой, чтобы нам блеснуть друг другу мимолетно белыми зубами, чтобы вкуню в груди так себе, ни от чего, кроме нас, от молодости, от сырого тумана, от ее смуглого взгляда, от моей стяннутой талии... Все это анал бедноты. Знала она это лучше еще, чем я, сознательный. Знала, что барин — молодой, молодой, убогий, убогий, приятная, что у него невеста хороша и что оба — господа. А господа — приятные они или нет, —стой, погоди, уютная покормит».

И покаянии. И если дама руки грязные моих (и того же) ведаю и о том, господа, не стужу! выходящий из стана книжки дама, насколько «заслуженной» перед революцией писателя, как

попытался нарисовать внешний мир, каким он представлялся ему, всеми силами стремившемуся слиться с разбушевавшейся стихией.

Если «Стихи о Прекрасной Даме», употребляя блоковскую терминологию, отстет, отражение «вечной сущности» в его душе, то «Двенадцать» — это отражение той части мировоззрения поэта, в которой сконцентрированы его общественные взгляды и устремления.

Но «Двенадцать» — поэма. И реальность предстает в ней перед читателем преломленной своеобразным творческим методом Блока. В «Двенадцати», как, может быть, ни в каком другом произведении Блока, слились гармонично его внутренняя «тема душевных переживаний» — тревожность, стихийность, рок, любовь — и внешняя тема, всем понятная и всех волнующая, — крушение старого мира. В этом — сила «Двенадцати», в этом — ее своеобразие. Друг Блок поэт С. Городецкий определил появление поэмы, как слияние старой, пушкинской культуры с новой, пролетарской. «Блок», писал он, «спаял золотой язык прошлого века с языком нашей улицы».

И все же не мое, а наше, И с миром утвердился связь.

После спада революционного движения 1905 года Блок писал с горечью:

Нет, плоть он обманул, —
Отдавленный востанья
Надвигавшийся гул...

«Двенадцать» и «Скифы» являются естественным развитием прошлого творчества поэта. И не только творчества. Ведь есть сведения, что в 1905 году Блок нес красное знамя во время рабочей демонстрации. Однако не следует преувеличивать революционности Блока: «Никогда я не стану ни революционером, ни «строителем жизни, и не потому, чтобы не впадал в том или другом смысле, а просто, по природе, качеству и теме душевных переживаний...» (Письмо к отцу 30/XII 1905 г.) Но я не стану сам не значит «я приму» в других.

И когда наступил Октябрь, Блок радостно откликнулся на великие события.

Дов замечательная запись в «Дневнике» в марте 1918 года: «Революция — это: я — не один, я мы». Но чтобы яснее представить себе, что стоит за «Двенадцатью», каков духовный генезис поэмы, надо иметь в виду весь путь поэта к самым начальным шагам.

Если «Стихи о Прекрасной Даме» — это в большинстве своем картины, запечатлевшие состояние влюбленной в Вечную Женственность души, то «Двенадцать» — полотно, на котором художник

А. Блок, то не сие ю я судить. Не эти руки выкидывают, да, может быть, не эти только, а те дамы, неизвестные миллионам бедных, и глядя на это миллионы тех же, не знающих, в чем дело, но голодных, истердавшихся «глаз, которые видели, как гарцевала стальной и кожаный барин».

Принадлежавший класс должен был омадать мест безжалостной и жестокой, как того заслуживал. Поэтому-то он пишет З. Гиппиус: «Не знаю (или — знаю), почему вы не увидели октябрьского величия за октябрьскими гримасами, которых было очень много — могло быть во много раз больше». Сли же он, понимая величие, принимал и гримасы и даже освещая их: «В у каждого красноегвардейца вижу английские крылья за плечами». Недаром в поэме: «Черная злоба, Свистал злоба».

Нам кажется, что слова Блока, взятые эпиграфом и этому очерку, чрезвычайно важны для понимания блоковской поэзии. Что Блок считал «чуждыми» в себе, было, наверно, всем, во всяком случае, многим, если не понятно, то известно, «главного» же большинства в нем не подорожал и не омидало. А когда увидел — не захотел поверить в органичность, оправданность всем прошлым опытом появления «Двенадцати».

Стоит ли сейчас перечитывать старую прессу, когда нам и так достаточно ясно сама поэма и независимо от нее социальная позиция автора? И представляется, что Блок считал «чуждыми» в наших днях приглядеться и тогдашним литературным и общественным страстям, вызванным появлением великого произведения. Это яркий пример тасбики связи литературы с жизнью, еще одно доказательство того, что настоящее искусство в России непременно затрагивало общественную проблему, порождая споры из сферы искусства в социологию, иногда неожиданно для автора.

Хрестоматийная ныне блоковская поэма «Двенадцать» была начата в начале 1918 года на газетных полосах «Знамени труда», и появление ее сразу же стало огромным событием, вызвавшим бурю эмоций, толков, пересудов, проклятий и восхищений. Если сейчас еще, как и любое великое произведение искусства, «Двенадцать» привлекает к себе внимание литературоведов, пытающихся, каждый по-своему, прочесть блоковский шедевр, то тогда, более 60 лет назад, а сложное и небывалое время, когда интеллигенция приходилось решать основной вопрос с кем быть? — когда революция и болезненно следили в обиход лагеря за «перевесчиками», — тогда прежде всего вписался в смысл поэмы: благословил или проклял первый по величине в то время русский поэт революцию? И русская и эмигрантская пресса того времени непрестанно взрывалась откликами, потому что все признали поэму слишком близко к сердцу, как и саму революцию. Среди критиков были сторонники и противники революции, причем те и другие рассматривали поэму со своих идеальных политических позиций, и были немногочисленные, смотревшие на «Двенадцать» только как на художественное произведение.

Читая сегодня 60-летней давности странички газет и журналов, погружаешься в ту необычайную атмосферу, в которой жил автор «Двенадцати». По свидетельству его биографа и тетки М. А. Бяковой, Блок внимательно прислушивался ко всем отзывам о поэме. Прижизненные, а большинство

своем известные поэты, они в какой-то мере сыграли свою роль в его судьбе: небольшая, и сомнительно, часть откликов радовала его; многие из них, жестокие и несправедливые, также ложились на его душу.

Почти все рецензенты удаляли большие анимации образу Христа в конце поэмы:

«Впереди — с кровавым флагом.
И от пули неуряди.
Нежной поступью

Надвигавшей, Снежной россыпью жемчужной.

Вперед венчики из роз —
Вперед — Иисус Христос.

Известно, что Блок не только не был истово верующим христианином, но его отношение к Христу вообще было очень сложным. Христу он не только и не знал никогда. «Никогда не приму Христа» — так писал он в дни своей юности Е. П. Иванову, близкому другу. В замечательной силе стихотворения «Люблю я великие соборы...» есть потрясающая мощными с точки зрения религиозных строк:

В своей молитве таверной
Ищу ласкы у Христа.
Но из-под масок лицемерной
Смеется лишь мое уста.

Эти признания говорят о многом.

Когда в 1919 году Гумилев в присутствии Блока сказал, что концовка «Двенадцати» кажется ему искусственной, а анимацию появления Христа — чисто литературным эффектом, Блок сказал: «Мне тоже не нравится конец «Двенадцати». Я хотел бы, чтобы этот конец был иной. Когда в конце, я сам удивился, почему Христос? Но чем больше я вглядывался, тем яснее я видел Христа. И я тогда же записал у себя: «и сомнение, Христос».

В «Записных книжках» Блока за 18 февраля 1918 года (до опубликования «Двенадцати») есть запись: «Что Христос идет перед нами — несомненно. Дело не в том, что Христос ли он, — страшно то, что опать он с ними и другого пока нет; а надо Другого».

После появления поэмы в печати и бурной толковой возмущения Блока и Христу) — также слова: «Разве я «воскалал»? Я только констатировал факт: есмь вглядываться в стоны вестей на этом пути, то унахились «Иисус Христос». Но я никогда сам глубоко ненавижу этот мистический призрак».

Что можно сказать на основании всего известного нам об отношении Блока и Христу? Почему «и сомнение»? Кто вот «другой»? Тогдашний толк бессмысленный, потому что собственные блоковские рассуждения на этот счет слишком расплывчаты. Может быть, Христос для Блока, или в России, лирический образ («Россия для меня величина лирическая...») Во всяком случае, вероятно, а сие «Иисус Христос» не так уж неправ Христос, а именно, и потому признаю критику Ю. Айзенвальда, когда писал: «Помню тона, задушевные, красные флаги, с кровавым флагом, дошли же и потому признаю, что дахь слышались давно знакомые и заветные лирические ноты Александра Блока».

Другим спорным местом поэмы были сами ее герои — двенадцать красногвардейцев, те самые, что:

В рубаш — цыганка, прилет
На спину в надо бубенный ту!

и которые там не менее «держат шаг революционный». «Кучка революционных жуликов» — именует их М. Алданов, аргументируя шама, который

бы более, чем двенадцать, пошло число тринадцать (чертова дюжина), считает Айзенвальд: «и эти двенадцать — все та же толстокожая Русь», «Идут убийцы и громилы, люди все знакомые — воротники рубашки отвернут, красная звезда, торчит невинно кончик нагана» — это писал тогда И. Эрэнбург.

Большинство Н. Осинский, отмечая, что почти все «интеллигентцы» встретили революцию дружным из глубин души идущим саботажом, выделял исключение — Блока — создателя поэмы, «которую при всей чуждости духа ее основному тону рабочей революции надо признать лучшим, наиболее ярким произведением последнего времени». Анализируя, почему именно «двенадцать» олицетворяют для Блока революционную массу, Осинский считает, что Блок, на будучи в состоянии проникнуть в психологию пролетария, смог увидеть лишь Ванек и Петень, подобные которым, конечно, тоже принимали участие в революции, правда, не являясь главными ее силой. Критик объясняет принятие Блоком революции, творимой даже таким героям, близостью мировоззрения Блока и Достоевского. Не признавая тезиса о двойственности русской души, критик пишет: «Пусть революцию делают Ванек и Петень (только это умеет видеть Ал. Блок), но они делают великое дело».

С. Городецкий, сразу же принявший революцию, а потому радостно встретивший появление «Двенадцати», расценивал его как подвиг, хотя, чтобы Блок «раскрыл свои уста и за двенадцатью увидел миллионы».

Мерзота Шагинян писал о поэме: «Двенадцать — это символ народа. И потому из двенадцати (базмальных), а не один и не три, что Блок звал соборное, народное, стихийное начало революции. И потому эти двенадцать идут (они все время идут в поэме, безостановочно), что Блок взял динамику революции, взял ее, как движение».

Поэма пролетелась по всей стране, отклики на нее появились и в центральной прессе, и за рубежом, и в провинциальных изданиях. Журнал «Русское пришево», издававшийся в Париж, информировал своих читателей о новой поэме А. Блока, которую «здесь, в Париж, не удалось прочесть почти никому, потому что благодаря необычным условиям сообщения она дошла сюда, может, в количестве — 12 экземпляров». Передавая содержание поэмы, автор статьи заключает: «Мы не хотим давать никаких комментариев к идее этой поэмы, не станем не спорить, ни соглашаться с нею, не будем углубляться в ее мистичность, не будем срывать реальные пороки со всех ее образов, чтобы выявить символы. Нам дороже именно эти мимые обличья, эти выходящие выразительности вещей, которую создать может только художник, и цель нашей претов домнина была лишь в том, чтобы познать читателя с наглядными и сильными образами современности, каково дает Александр Блок».

Следует отметить, что среди огромного количества рецензий, преобладавшие замечательные отклики были на блоковскую поэму, встречались попытки более глубокого проникновения в мировоззрение автора. Для этого анализировались статьи Блока 1907—1918 годов, в которых он непрестанно осмысливает необходимость преодоления «недоступной черты» (по пушкинскому определению), лежащей между народом и интеллигентом.

Наиболее интересной в этом плане была статья М. Лаврова в «Правде». Анализируя на материале статей поэта, как сложилась «индивидуальная» проблема у Блока общественного, рассматривая этапы 10-летних исканий Блока, которые зафиксированы им в статье 1908—1918 годов, утверждая, что именно в них — ключ и поэма «Двенадцать», Лавров пишет: «...Блок не только призывает слушать — он слушал сам. Итогом этого явилось величайшее достижение его поэзии и в то же время русской поэзии после Пушкина, Некрасова, Тютчева, — его поэма «Двенадцать». Блоку, считает рецензент, удалось «преступить «недоступную черту» и в художественном образе выявить душу народа, или, что то же, душу революции. Эта статья была известна Блоку — есть пометка его в «Записных книжках».

И, наконец, были среди рецензентов и такие, которые (принимая или не принимая революцию) стремились увидеть в поэме творение великого художника: «Самая значительная черта этой поэмы в том, что поэту удалось соединить поэтическую идеализацию общественной России с вполне свободным от всяких прикрас реализмом ее изображением».

«Какою бы не стала Россия, с любовью и верою примет ее поэт в свою душу. Но придет на рубаш, преломившись перед ней, все чуждое внешнему, стоящим перед ним. Нет! примет поэтический, преобразив ее в своей душе, душе творческой».

С годами стрелы утихали, сделав, впрочем, свое дело... В 1920 году появились уже такие статьи: «...теперь на третьем году после издания «Двенадцати» можно гудить и разбирать эту поэму более или менее бесстрастно. В свое время мы, дышавшие воздухом первой революционной волны 1917—1918 гг., восприняли «Двенадцать» как одно из тех величайших величин, которыми дарил нас бурная действительность. Теперь можно несколько установить историческую перспективу, т. е. отношение к обществу значению поэмы, заняться вопросами ее космологии».

Но от общественного значения блоковского шедевра, как показала время, отвлечься было трудно. Шли годы, а споры не утихали. После смерти Блока в 1921 году поэтессе хотелось убедиться общественное мнение в том, что Блок чуть ли не оторвался в конце жизни от «Двенадцати». Нам известны некоторые высказывания Блока, подтверждающие эти слухи. Известно же, что, закончив поэму 29 января 1918 года, он записал в «Записных книжках»: «Сегодня — в тумане. Делать, что было связано по своим словам. Но известно и другое — его «Записки о «Двенадцати». Датируемая 1 апреля 1920 года:

«...а января 1918 года и в последний раз отдался стихам не менее спешно, чем в январе 1907 или в марте 1914. Оттого я и не отрывал от написанного тогда, что оно было написано в полноте глубокого проникновения к миру».

Итак, анализировать на материале статей поэта, как сложилась «индивидуальная» проблема у Блока общественного, рассматривая этапы 10-летних исканий Блока, которые зафиксированы им в статье 1908—1918 годов, утверждая, что именно в них — ключ и поэма «Двенадцать», Лавров пишет: «...Блок не только призывает слушать — он слушал сам. Итогом этого явилось величайшее достижение его поэзии и в то же время русской поэзии после Пушкина, Некрасова, Тютчева, — его поэма «Двенадцать». Блоку, считает рецензент, удалось «преступить «недоступную черту» и в художественном образе выявить душу народа, или, что то же, душу революции. Эта статья была известна Блоку — есть пометка его в «Записных книжках».

И, наконец, были среди рецензентов и такие, которые (принимая или не принимая революцию) стремились увидеть в поэме творение великого художника: «Самая значительная черта этой поэмы в том, что поэту удалось соединить поэтическую идеализацию общественной России с вполне свободным от всяких прикрас реализмом ее изображением».

«Какою бы не стала Россия, с любовью и верою примет ее поэт в свою душу. Но придет на рубаш, преломившись перед ней, все чуждое внешнему, стоящим перед ним. Нет! примет поэтический, преобразив ее в своей душе, душе творческой».

С годами стрелы утихали, сделав, впрочем, свое дело... В 1920 году появились уже такие статьи: «...теперь на третьем году после издания «Двенадцати» можно гудить и разбирать эту поэму более или менее бесстрастно. В свое время мы, дышавшие воздухом первой революционной волны 1917—1918 гг., восприняли «Двенадцать» как одно из тех величайших величин, которыми дарил нас бурная действительность. Теперь можно несколько установить историческую перспективу, т. е. отношение к обществу значению поэмы, заняться вопросами ее космологии».

Но от общественного значения блоковского шедевра, как показала время, отвлечься было трудно. Шли годы, а споры не утихали. После смерти Блока в 1921 году поэтессе хотелось убедиться общественное мнение в том, что Блок чуть ли не оторвался в конце жизни от «Двенадцати». Нам известны некоторые высказывания Блока, подтверждающие эти слухи. Известно же, что, закончив поэму 29 января 1918 года, он записал в «Записных книжках»: «Сегодня — в тумане. Делать, что было связано по своим словам. Но известно и другое — его «Записки о «Двенадцати». Датируемая 1 апреля 1920 года:

«...а января 1918 года и в последний раз отдался стихам не менее спешно, чем в январе 1907 или в марте 1914. Оттого я и не отрывал от написанного тогда, что оно было написано в полноте глубокого проникновения к миру».

то что в Сузуме, — Костенко надев очки и начал медленно читать предварительные заключения экспертов и первые допросы, проведенные следователями.

Люди входили и выходили из дощатой, насквозь продуваемой ветром избыточной; тягуче медленно визжала дверь, не сезонная ни осенью, ни весной; инструкцию, видимо, не успели спустить. Костенко хмыкнул: «По отношению к Риче надо говорить — мне успели подняться, здесь же горы, а начальство сидит внизу, в Сузуме, на побережье. Смешно: «сначала поднимите нам инструкцию, а потом мы двери смажем». Как такое перевести на иностранный язык? Не поймут ведь. Даже Салтыкова-Щедрина понять не могут, самого великого нашего писателя, — если отсчет начинать с Пушкина, поистине дело. Толстой писал про мир, Достоевский конструировал личности, отталкиваясь от общечеловеческих проблем, а Салтыков, Лесков и Успенский писали о России — потому-то и не знают их на Западе...»

Костенко долго читал описи обнаруженных вещей, первые допросы свидетелей и заключения экспертов, а потом отодрал от себя папки, поднял и сказал:

— Это все поверхностно. Тут не за что зацепиться, Серго, пошли еще раз место посмотрим.

...Интересовали его лишь две вещи: полусаложики, в которые была обута неизвестная женщина, и кофточка.

Он долго рассматривал этикетку — немецкая фирма, прочесть толком невозможно.

А вот в полусаложики, подвня сгнившую стельку, он увидел следы фабричного клея: «Ир у. с. а. б. на. фаб. к.»

Костенко обернулся к одному из сотрудников, приехавших вместе с Сухишвили:

— Составьте, пожалуйста, такую телеграмму: «Иркутская обувная фабрика. Срочно сообщите ГУУР МВД СССР полковнику Костенко, когда ваше предприятие начало изготавливать зимние полусаложики, черные, на меху белого цвета, с просторечным рантом и узором, типа «снежинки». Прошу сообщить также, в какие области страны ваша продукция этого типа была отправлена летом — осенью прошлого года — до середины октября включительно. В связи с тем, что речь идет об особо опасном преступлении, ответа жду немедленно. Костенко».

— Когда отправлять? — спросил помощник Сухишвили, молодой человек, чересчур расторопный лейтенант. — Если срочно, мне надо ехать вниз; здесь отделение связи еще не работает.

— Тогда заодно проявите фотографии саложики и немедленно отправьте в Ковкедский уголовный розыск капитану Урузбаеву для предъявления тетушке Петровой... — Так и написать — тетушке Петровой? Костенко усмехнулся, покачал головой:

— Молодец... Он достал записную книжку, заведенную специально для этого дела, пролистал странички и продиктовал:

— Для предъявления Клавдии Егоровне Еремовой, единственной установленной родственнице Анны Кузьминичны Петровой. Пусть Урузбаев спросит: в саложики ли ее навещала племянница прошлой осенью? Если Клавдия Егоровна ответит положительно — можно предъявить фото. В противном случае — не надо, пусть тогда о кофточке поговорит.

— Пленки цветные, товарищ полковник, не печатаем черно-белые фото, аппаратура еще не подошла, ждем...

— Эхе-хе... вздохнул Костенко. — Нет на нас роз... Или инту... Впрочем, если появится, будем стелать по тому времени, когда пылись уговором, добром и ласкою... Я ведь полгода как завизировал приказ о передаче вам цветной аппаратуры, ну ужли нельзя быть порасторопнее!

— Можно, товарищ полковник, — ответил лейтенант, — мы приехали в Москву, но хозяйственники — сказали, что такого рода аппаратуру надо отправлять в сопровождении; мы согласились, выделили человека, тот приехал, но они сказали, что у них на складе нет материально ответственного — в отпуску. Приехали через месяц, тот человек появился, но ушел в отпуску бухгалтер склада, а без его записочки тоже ничего не получим. Мы

через месяц снова приехали, но тогда начальник склада ушел на пенсию, нового назначили, а заместитель отказался подписать накладную без того, чтоб мы вторично завизировали, а вы были в командировке, так мы ни с чем и уехали... —

— Но ведь заместитель мой был! — Он-то подписал, но складской ответил, что для него действительна только ваша подпись.

— Значит, так, — жестко сказал Костенко. — Напишите на мое имя рапорт, приложите билеты, подсчитайте, сколько денег прожили по командировочным в Москве, и передайте полковнику Сухишвили. Он знает, как переслать мне — по служебным каналам, официально. Я добьюсь, чтобы выискали деньги с наших волокитечиков и переведу на счет грузинского угрозыска. Но сейчас — не знаю как, любым путем — сделайте, пожалуйста, цветное фото кофточки, она запомнилась только в цвете; предлагать для опознания в черно-белом варианте нет смысла.

Ночью, вернувшись в Сузуме, Костенко прочитал Сухишвили набросок оперативно-розыскного плана.

— Только не перебивай, Серго. Дослушай, а потом вноси предложения.

— Я весь внимание, не пророню ни слова, кланюсь материю.

— Браво, — сказал Костенко и откинулся на спинку кресла, прислушался к шуму моря за окном, смеху курортников и далекой музыке. — Итек, убитой является женщина примерно двадцати восьми — тридцати двух лет. На обнаруженных частях тела следов от ран нет — следовательно, убили ударом в голову... Расчленена острым топором...

— Или кинжалом, — заметил Сухишвили. — По приблизительным прикидкам экспертов, рост покойной мог составлять сто пятьдесят пять, сто шестьдесят сантиметров. На трупе была шерстяная импортная кофточка черного цвета с красными продольными линиями, черное платье — этикетка сгнила, установить фабрику невозможно — и черные полусаложики. Так?

— Так. — Опираюсь на показания пасечника Шуравия, мы вправе полагать, что убийство совершено в конце ноября или в начале декабря, перед самым закрытием сезона, когда снег отрезает Ричу. Так?

— Так. — Выдвигаю версии. Первая: убийство могли совершить люди, проживающие в районе Ричи.

— Исключено. — Ты же обещал не перебивать меня! — Хорошо, оставь, мы обработаем твою версию, но это пустая трата времени.

— Второе: женщины могли убить приезжие или приезжий, с которым покойная познакомилась по дороге на Ричу. Третье: убийство могли совершить преступники-гастролеры. Четвертое: убийство мог совершить любовник, желавший избавиться от случайной связи, узнав, что женщина беременна. И, наконец, пятое, если мы допустим, что убитой является Анна Петрова, убийство мог совершить Милинко, ибо очень похож и рост убитой и возраст, да и манера убийства идентична магаранской.

— Какой ему был смысл убивать? — Чтобы избавиться от свидетеля. Чтобы развязать себе руки для новых преступлений; два человека — это и есть два человека, в один, да еще зверь, куда как страшнее, потому что мобильнее...

Предложения. Первое: ты прочесывавший весь район — надо найти... постараться найти орудие убийства. Второе: твои люди просматривают регистрационные книги в гостинице Ричи — все, что оставалось в последних числах ноября или в декабре, должны быть опрошены. Фотография Милинко, весьма некачественная, как и фото Петровой — без очков и с другой прической, — единственное, что мы пока что смогли получить, — присылаю тебе для бесед с теми, кого ты установил из приезжавших сюда глубокой осенью, так?

— Постарайся... — Почему, однако, я вцепился в версию убийства именно Петровой? Объясняю: жен-

щина приехала в полусаложики, значит, приехала с севера или с востока, купит тут у вас хорошую легкую обувь — то же, что мамонты откопать в Египтоции.

— Почему, у фарцовщиков можно. — Если это Петрова, если ее убили Милинко, так называемый Милинко, то он с фарцовщиками связываться не станет: слишком осторожно. Он будет покупать только в магазине, Серго, поверь мне. Я где-то чувствую этого человека, я настроился на него, он боится случайных контактов, он осторожен, как зверь, понимаешь?

— Телеграмму Урузбаеву из Коканда передали Костенко уже в Москве: «Еремова не помнит, в чем была одета племянница, крайне обеспокоена, что до сих пор от нее нет писем. Ни полусаложики, ни кофточку с уверенностью опознать не могла, ибо плакала, спрашивая о судьбе любимой и единственной племянницы».

«Урузбаеву. В вашем первом рапорте опоминался некий «внук Ирошки». Кто он? Жив ли? Если жив, каков его адрес? Костенко».

«МВД СССР, ГУУР, полковнику Костенко. «Внуком Ирошки» является штурман дальнего плавания Егор Львович Пастухов, проживает по адресу: Рига, Советская, 512. Капитан Урузбаев».

«МВД СССР, уголовный розыск полковнику Костенко. На запрос 52/3 сообщаем, что наша фабрика начала выпуск кожаных меховых полусаложики черного цвета с узором типа «снежинки» в третьем квартале 1977 года. По накладным 542/III-45, 592/II-11, 72/345-K-2 партии полусаложики в количестве семи тысяч штук отправлены в Якутскую область, Хабаровский край и Магаданскую область. Заместитель директора Иркутской обувной фабрики по сбыту Куяметов».

«МВД. Полковнику Костенко. Партия черных полусаложики иркутской фабрики была получена магаранским горторгом 12, 13 сентября и 4 и 12 октября. Реализовывались в магазинах номер 7 и 3. Магазины № 3 расположились в ста пятидесяти метрах от дома, где проживала Петрова. Предполагаю начать работу через продавцов и по линии бухгалтерии, поскольку саложики были в городе большим дефицитом, получали их, как правило, из-под прилавка. Срочно требуется фотография Петровой, но не та, которую мы изыскали из ее личного дела — даже близкие знакомые не признают в ней Петрову — без очков и с длинными волосами. Установлено, что ее фотография в личном деле была шестилетней давности, когда она только устроилась на работу. Майор Жуков».

«МВД СССР, ГУУР, Костенко. В настоящее время Е. Л. Пастухов находится на сухогрузе «Глеб Успенский» в качестве второго штурмана. Судно следует рейсом из Сингапура с заходом в порт Неаполь 29 мая с. г. Дальнейший рейс будет зависеть от «Софрахат». Опрошено соседей установлено, что Пастухов, не разведясь формально со своей женой Н. Н. Пастуховой, уже полтора года живет отдельно. Отзывы о нем самые хорошие. В службе пароходства характеризуется с самой положительной стороны. Винам в разрушении семьи его не считают. Подполковник Струминьш».

«МВД ЛССР, подполковнику Струминьшу. Где жил Пастухов, когда приходил из рейса? Костенко».

«МВД СССР, ГУУР, полковнику Костенко. Во время отпуска штурман Пастухов останавливается в доме своего друга, первого помощника капитана «Глеба Успенский» Котова Р. Г. Однако, как сообщила жена Котова, весь свой багаж — один чемодан и портфель с письмами и фотографиями — он забирает с собой в рейс. Подарки, которые приобретает на валюту, передает через дочь Котова своему семилетнему сыну, ибо жена отказалась показывать ему ребенка, несмотря на то, что у нее постоянно живет любовник, кандидат

философских наук Закаева. Подполковник Струминых.

«МВД СССР, ГУУР, полковнику Костенко. НТО дало заключение, что в тайнике на квартире Петровой хранился золотой песок. Путем повторного осмотра квартир Петровой и Милинко нам удалось взять два отпечатка пальцев, принадлежащих мужчине. По карте-теке не прокладывает. Высылаю рейсом 231 с командиром корабля Ефремовым; перед вылетом уведомлю звонком, прошу встретить. Майор Жуков».

Москва. Работа-VIII.

Костенко протянул генералу радиogramму: только что вернулся из Министерства морского флота, беседовал по радио с Пастуховым в течение получаса, больше не разговаривал, и так, сказали, из-за уважения к угрозыску, цените и помните, когда наших обчищают, будьте особо внимательны.

Генерал читал, помогая себе карандашом, водил по строчкам, иногда карандаш замирал, и Костенко поэтому мог определять, на чем споткнулся его шеф.

«Костенко: — Товарищ Пастухов, здравствуйте, я беспокою вас в связи с вашей родственницей, Аней...»

Пастухов: — А в чем дело?
Костенко: — Уехала в отпуск и подзадержалась, тетюшка ваша волнуется, мы начали поиск.

Пастухов: — Эх, Анна, Анна...
Костенко: — Вы что-нибудь предполагаете?
Пастухов: — Да ничего я не предполагаю, жаль бабу, несчастный человек.

Пастухов: — У вас много ее фотографий?
Пастухов: — Есть.
Костенко: — Когда она последний раз присылала вам фото?

Пастухов: — Не помню...
Костенко: — Она была на этом фото в очках и с короткой стрижкой?

Пастухов: — Да.
Костенко: — В черной кофточке с красными поперечными полосками?

Пастухов: — Нет, в купальнике...
Костенко: — Так она что ж, с моря вам прислала фото? В ноябре?

Пастухов: — Да.
Костенко: — Она одна на фото или с приятелем?

Пастухов: — С каким?
Костенко: — Она вам ничего не писала? Имени его не называла?

Пастухов: — Нет. Погодите, нет, она что-то писала: мол, Гриша невероятный человек и, мол, скоро она меня обрадует приятной новостью. Вообще странное письмо. Кто такой этот Гриша?

Костенко: — И мы этим заняты, товарищ Пастухов. Раньше она вам о нем не писала?

Пастухов: — Писала года четыре назад, мол, познакомилась с прекрасным, надежным, сильным человеком, а потом как отрезало, ни разу про него не говорила, и вот снова: «Гриша», «дредность».

Костенко: — Говорила? Или писала?

Пастухов: — И то и так. Она прилетала ко мне года три назад в Ригу.

Костенко: — Одна?
Пастухов: — Одна.

Костенко: — Жила у вас?
Пастухов: — Нет.

Костенко: — Где вы встретились?
Пастухов: — В кафе.

Костенко: — Она вас просила о чем-то?
Пастухов: — Это может быть связано с ее пропажей?

Костенко: — Да. Вы понимаете, видимо, мой вопрос?

Пастухов: — Да, я понимаю. Но я сказал, что она выбросила это из головы.

Костенко: — Она просила вас взять с собою кое-что в рейс и тем обменять, я вас верно понимаю?

Пастухов: — Верно. Но до этого не дошло. Я сразу отказал...

Костенко: — Вы не помните, за соседним столиком, рядом с вами, не сидел мужчина, крепкого роста, лет пятидесяти?

Пастухов: — Да разве сейчас вспомнишь?

Костенко: — Очень бы надо. В кафе ее вы пригласили или она?

Пастухов: — Конечно, я.

Костенко: — Как вы туда добрались? Пешком или на такси?

Пастухов: — На такси.

Костенко: — А она потом не просила вас помянуться местами: дуэт, например, или солнце бьет в глаза?

Пастухов: — Погодите, погодите, просила, именно так и сказала: «дуэт». У нее ведь со-суды больные, все время мутается...

Костенко: — И теплую обувь начинает очень рано носить, еще в сентябре, да?

Пастухов: — Шерстяные чулки, во всяком случае. Это с детства у нее, росла в Белоруссии, он кашлянул, потом добавил иным голосом, — голод, то есть... нехватка некоторых высококалорийных продуктов...

Карандаш генерала замер. Костенко поднял глаза на шефа — тот молча кивнул в кресле от титого смеха:

— Какова бдительность, а! Э! Он себя пока поправил... А чего скрывать: до середины пятидесяти годов Беларусь, да и не только она одна, жила впроголодь. Вы очень ловко вели с ним беседу, великолепно, Владислав Романович... Но вы пришли с каким-то предложением?

— Пожалуй, правильнее будет дочитать до конца записи радиобеседы, а потом я изложу соображения...

— Я понял вас, — откликнулся генерал. — Но, увы, если понял вас верно, обрадовать ничем не смогу.

И снова карандаш начал медленно ползти по строчкам.

«Костенко: — Товарищ Пастухов, вы не смогли бы из Неаполя подлететь с вашим альбомом в Москву? На день-два».

Пастухов: — С радостью. Если на неделю — того лучше, мы будем в Неаполе стоять под загрузкой дней десять. Только как с билетом! Валюты у меня мал... (он снова резко оборвал себя, поправился) не слишком много...

Генерал снова заколыхался в кресле:

— Нет, положительно наши моряки умеют работать с кадрами. Я, признаться, сначала решил, что вы попроситесь в Неаполь, и я был бы вынужден вам отказать, потому что, — подражая Пастухову, — валюты у нас мал... то есть вовсе нет — на третий квартал. Понятно? Я вещи называю своими именами, хотя разделяю ваше желание полюбоваться Везувием.

— Я уже любовался им.
— Когда?

— Три года назад, туристская поездка.

— Я думаю, мы сможем поспать в Рим обманный ордер Аэрофлота. Так что с полетом сюда Пастухова проблем не будет. А он вам нужен? По-моему, вы получите все, что могли. Альбом возьмет аэрофлотовец: от Рима до Неаполя три часа езды, никаких сложностей.

— Вы думаете, Пастухов как свидетель исчерпан?

— Дайте дочитать.

«Костенко: — Спасибо. Это будет очень важно, если вы приложите. Можете спросить разрешение у капитана сразу же?

Пастухов: — Капитан рядом, он слышит наш разговор.

Костенко: — Вы часто виделись с Аней?
Пастухов: — Редко.

Костенко: — Сколько раз за последние годы?

Пастухов: — У тети на ее семидесятилетии, в Коканде, потом она ко мне прилетала в Ригу, а до этого в Ленинграде. Когда она зачитала диплом, я и ней приехал — хоть один свой человек.

Костенко: — Она вам жаловалась на одиночество?

Пастухов: — Мы не были так близки...
Костенко: — А ее друзей вы знаете?
Пастухов: — У нее, мне кажется, не было друзей.

Костенко: — Как же так?

Пастухов: — Разные люди живут на земле...

Костенко: — Вы не обратили внимания, в кафе, после того как она вышла в туалет, ничего в ней не изменилось?

Пастухов: — То есть?

Костенко: — Ну, может, говорить стала громче или, наоборот, тише, может, попросила вас заказать что-нибудь особое, какое-нибудь мерочное вино или шоколадный торт?

Пастухов: — Погодите, она и впрямь попросила меня заказать «Цимлянское».

Костенко: — Выпила много?

Пастухов: — Глоток, а еще удивилась... Зачем было бутылку просить?

Костенко: — А больше вы ничему не удивились?

Пастухов: — Я сказал, чему я удивился. Потому удивляться было нечему: совершенно чужой человек по духу.

Костенко: — Погодите, не надо сплеча. Она обратилась и вам с той просьбой до того, как выходила в туалет, или позже?

Пастухов: — Позже.
Костенко: — Точно?

Пастухов: — Абсолютно. Когда я отрезал, она как-то съехидилась и сказала, что, мол, все это ерунда, выбрось из головы, и попросила «Цимлянское»...

Генерал заметил:

— Видимо, казаль сидел не за соседним столиком, а в стороне, бутылка была у них сигналом тревоги.

— Я тоже так считаю.

— Значит, ваша версия о золоте абсолютна.

— Это версия, доказательств нет.

— А что Жуков? ОБХСС работает в Магарианском «Центропринксе»?

— Там полный порядок, никаких недостатков.

— У Петровой могли быть данные, где наиболее активно разводят новые золотосные жилы?

— Предположительно — наверняка. Доказательств — никаких.

«Костенко: — Она чем-нибудь мотивировала свою просьбу, товарищ Пастухов?

Пастухов: — Желанием перебраться в Адлер, купить там дом, обзавестись, наконец, семьей.

Костенко: — А почему именно в Адлер?

Пастухов: — А там живет ее первый мужчина. Она была в него влюблена, а он женился на другой, она это очень тяжело переживала.

Костенко: — Фамилия не помните?

Пастухов: — Нет. Он работает глаубухом в рыбколхозе, это она мне рассказывала.

Костенко: — Перед тем, как идти в кафе?

Пастухов: — Нет, у тети на день рождения.

Костенко: — Имени тоже не помните?

Пастухов: — Нет... Лоша... Или Леня... Нет точно не помню...

Костенко: — Письма ее у вас есть?

Пастухов: — Конечно.

Костенко: — Письма тоже захватите.

Пастухов: — Хорошо. Если вы сделаете мне полет в Москву — по гроб жизни буду благодарен, девять месяцев в рейсе...

— С Адлером успели связаться? — спросил генерал.

— Еще нет.

— Поручили бы Тадеву.

— Он на вояжах и арцахвах, Дмитрий Иванович.

— Ну-ну... Что-нибудь есть?

— Пока мало.

— А это хорошо. Не люблю, когда сразу же в руки плывет информация, значит, потом сработает закон подлости, все оборвется. Ну, спасибо вам, Владислав Романович, я поехал домой.

— Я тоже.

— Но вы ведь дежурите по управлению! — удивился генерал.

— Меня подменяет до двенадцати. Я должен быть на поминках Левона Кочаряна.

— Ремиссер?

— Да.

— По-моему, десять лет назад умер!

— Да.

— Помню...

— А в забыть не могу, — усмехнулся Костенко. — Экая ведь разница словесная: «помню» и «не могу забыть».

Продолжение следует.

Да, кипятить воду здесь просто трудно. Но что — расписаться в своем бессилии и уйти? Вежливо улыбнуться хозяевам и сказать на прощание: мол, ничего, со временем и в их глубинные революции облетит жизнь. Они сами в это верят, не зря же с яростью громят окрестные помещичьи и кулацкие банды. Но что можно сделать уже сегодня, не закрывая бедо розовой картины завтрашнего дня?

Степан, насупив брови, глядел на слабоющий огонек костра. Пожалуй, только и остается, что попытаться уничтожить заразу в самом источнике.

Быстро столкнувшись с хозяином, Степан, Александр Иванович и Демисие поднялись и стали прощаться.

— Значит, переведи еще раз, — сказал Степан, уже выйдя из тучулы в прохладу сумерек. — Завтра у нас воскресенье, день нерабочий, и мы с утра придем, осмотрим ваше озеро. Попроси его и других крестьян тоже подойти туда, может, сообща выясним, почему болят люди от тамашней воды.

Крестьянин Безах, кивая после каждого слова переводчика, проводил их до спуска. Степан, оглядываясь, все видел его длинную тощую фигуру. Безах непонимал привидение в залитой лунным светом белой эфюпской накидке — шамме.

Утром, подходя к озеру, Степан, Александр Иванович, Борис и их постоянный спутник Демисие еще издали услышали гомон толпы. Похоже, что на берег высылал весь поселок. Большой группой стояли, солидно беседуя, мужчины. Неподдалеку шумели женщины, надевшие то ли по случаю воскресенья, или этого собрания лучшие свои наряды, украшенные разноцветной вышивкой. Увидев Степана и его спутников, навстречу заспешил директор школы Иоханнес Рафаэль. По его широко распахнутым рукам, щедрой улыбке в густой курчавой бороде, смеющимся на смуглом лице глазам можно было подумать, что он их все видел, хотя расстался не далее как вчера вечером.

После взаимных приветствий Иоханнес сохнал улыбку с лица и укоризненно покачал головой.

— Что же вы мне, старому другу, даже ни полслова не сказали вчера о вашем намерении излечить дурную воду в озере?

— Откуда вы узнали об этом нашем намерении? — улыбаясь, спросил Степан.

— Да весь поселок только и говорит об этом, ведь нет дома у нас, чтобы кто-нибудь не маялся животом.

— Да, но речь идет пока просто об осмотре вашего озера. Мы еще не знаем, сможем ли что сделать.

— Вы не знаете? Вы, вылечившие тысячи самых тяжелых больных в Дамбо. — В голосе Иоханнеса Рафаэля звучало изумление. — Да вы хоть понимаете, как вам верят эти все люди кругом? — Иоханнес показал на толпу примолкших, внимательно наблюдавших за ними крестьян.

— Вы помните, что после вашего приезда в Дамбо здесь разразилась гроза, первая гроза после многих месяцев суши? Так я вам скажу, что после того, как вы поставили на ноги нескольких больных, по местным понятиям, уже обреченных на смерть, здесь, в Дамбо, стали ходить слухи, что именно вы и избавили нас от засухи. Это пусть навзвонит, но вера в могущество, в знания, в искусные руки советских врачей. Она, эта вера, опора в вашей работе, ее никак нельзя разрушать. Придется и вам и нам сообща заразу из озера выводить. Я вон и рваб из нашей школы привел, может, поможет.

— В общем, по русской поговорке — взялся за гуж, не говори, что не дюж, — усмехнулся Александр Иванович. — Что ж, Степан, давай осматривай «больного», пощупаем эти их озера.

Подходя к толпе крестьян, пожимая протянутые руки, Степан внимательно глядел в их глаза. Он видел в них дружелюбие, интерес и ту самую веру, о которой говорил Иоханнес, что вместе с ними, советскими врачами, они избавятся от терзающего их недуга. Обмануть ожидания этих измученных людей было нельзя, и Степан повернулся к озеру. Оно лежало чуть выше дороги, в выемке горного склона. Озеро представляло собой малопримечательную картину. Низкий берег был сплошь затоптан

скотом, вода была сера и мутна от грязи. Правда, противоположный крутой берег был затоптан нежной хвоей туи, подымавшейся в расщелине бурых скал, буйной порослью молодых ольшанок. Их цветущие ярко-красными пахучими цветами ветви склонялись к чистой, спокойной воде. Чувствовалось, что там глубоко. Да и берег был слишком крут, туда могли добраться разве что антилопы или дикие козы.

— Что, разве нельзя поить ваших коров не в этом озере, а в другом месте? — услышал он голос Александра Ивановича.

— Как правило, так и делаем в дождливое время, когда все озеро кругом полно водой, — ответил Иоханнес Рафаэль. — Во время же сузого сезона только в этом озере есть вода, оно никогда не пересыхает.

— Никогда не пересыхает... Степан пристально поглядел на зеленые древесные купы на дальнем берегу озера и, как маята, услышал ласковый, с придыханием голос своей старой бабки Аины: «выпей, внучек, это из нашего родника водичка, она и в самое пекло не пересыхает и не теплеет». И вот он, голенастый мальчонка, опять в родной деревне Чучичево под Старым Осолом, приехал из города на каникулы к бабке. А она не знает, чем бы потчевать любимого внука — то ли своим медом, то ли вишней из сада. И все-таки первым делом предложила родниковую чучическую водичку. Такой, по ее убеждению, не было нигде. Степан берет из дрожащей от старости висушечной руки большую эмальрованную битую-перелитую кружку. И этот сок родной земли вливается в него, холодный и сладкий, захватывая дух и наполняя свежестью и силой. Степан даже глаза зажмурил — до того ярко и сильно было воспоминание...

И тут же, повернувшись к Иоханнесу, быстро спросил:

— А родники в этом озере есть?

— Родники? Вот чего не знаю, того не знаю.

— Так спросите у своих ребят, они наверняка купаются здесь, вон у них даже волосы не обсыхают.

На гортанный крик Иоханнеса прибежала целая стайка ребятшек. Теснясь и глядя преданными глазами на своего, видно по всему, любимого учителя, они хором отвечали на поток его вопросов. Чаще всего звучало «Ау» — «Да».

— Вы, пожалуй, правы, доктор, — повернул бородатое лицо к Степану Иоханнес Рафаэль, — ребята все в один голос рассказывают, что у того берега, если глубоко нырнуть, попадаешь в очень холодный подводный ручей. Там, наверно, родники бьют, не дают озеру пересохнуть.

Все помолчали, глядя на дальний берег озера.

Тут Александр Иванович, прервав паузу, показал рукой в сторону дороги и сказал:

— И коровы, видно, чувствуют, что здесь всегда можно напиться, — вон стадо сюда движется.

Через минуту на мелководье с мычаньем вползло огромное стадо. Весь берег разноцветно залестрел. Мясистые горбатые коровы-зебу с чмоканьем, вздохом пили мутную прибрежную воду.

— А потом отсюда же берут воду люди, — тихо проговорил Александр Иванович. — Чего уж тут удивляться болезням!

Все вновь помолчали, рассматривая коров. Те, довольно мыча, облизывали морды и выкодили из озера на дорогу.

— Придется эту воду спустить, — нарушил молчание Степан, — тогда болезни отступят, люди Дамбо будут пить здоровую, чистую воду из родников у дальнего берега. Скотине же нужно соорудить запруду ниже, вон, видите, в высохшем глубоком русле ручья. Там, у дороги, и устроит новый водопой.

Когда Иоханнес Рафаэль, быстро загоровшийся предложением Степана, подошел вместе с врачами к жителям поселка и все им рассказал, над толпой повисло молчание. И вдруг все заговорили разом. Иоханнес, поворачивая голову от одного оратора к другому, все более мрачнел. Потом не выдержав, начал что-то быстро объяснять на местном наречии, явно убеждая крестьян. В ответ качали упрямо головами: «Нет, нет, нет».

— Вы знаете, что они говорят? — спросил

Иоханнес чуть погодя у врачей. — Они не хотят спускать озеро. Мол, есть ли в озере родники — в этом большое сомнение, а вот без этого озера скотина в месяцы суши пердохнет, и им туго придется.

— Ну, а о болезнях, которые их сейчас от дурной воды мучают, ты им сказал? — спросил Александр Иванович.

Иоханнес только пожал плечами: — Конечно. А вон тот крикун отвечает: переждем, они, глядишь, и сами пройдут.

— Что ж, буду, как говорится, принимать огонь на себя, — сказал Степан и вышел вперед. — Давай переводы, а сам скажу несколько слов.

Степан повернулся к крестьянам. На него смотрели уже не те дружеские и приветливые, а настороженные, а то и прямо колючие глаза. Не смущаясь этим, он громко произнес: — Друзья, я и мои товарищи спасли многих вас от смерти. Не так ли?

Казалось, все крестьяне в один голос прошептали:

— Да!

— Вы нам верите?

И опять все громкое:

— Да, да!

— Тогда я прошу вас, поверьте и тому, что я вам говорю об озере. Спустив сейчас его

в запруду для скота, вы будете пить чистую родниковую воду и навсегда избавитесь от нынешних болезней.

Когда через полчаса крестьяне принесли из дома кирпичи и лопаты и у озера закипела работа, Иоханнес хлопнул Степана по плечу и сказал:

— Теперь ты видишь, какие чудеса творит

вера крестьян в «русских хакимов»?

— Веру в себя нужно подкреплять делами, — ответил Степан, орудуя длинным ломом.

Поднажав на него, он с натугой вывернул увесистый валун, тот с грохотом покатился вниз, туда, где собирались строить запруду. Выпрямившись, чтобы вытереть пот, он увидел, что эфюпы уже разделились на две группы. Одна, побольше, только из мужчин, стаскивала камни, валежники и землю вниз по руслу ручья. Там, у спускавшейся в ручей скалы, предстояло построить плотину. Другая, наверху, где работали Александр Иванович, Демисие и Борис, включала и женщин. Рядом с переводчиком Степан увидел их новую санитарку из Дамбо — Алганеш. Даже издали Степан узнал ее ослепительную улыбку, обращенную к Демисие. Молодые сочные губы ярко алели на смуглом лице. Степан не раз уже замечал эту парочку в уединении, потугенную в нескончаемую беседу. Легкие прикосновения рук, глаза, устремленные друг на друга, нежный шепот. Прекрасные, волнующие знаки любви. Они едины для всех людей всех цветов кожи. Степан чуть слышно вздохнул: где-то его Катенька сейчас? Что делает? О чем думает? Уже много месяцев — один человек. Нет, они не спасают от тоски... И если бы не короткое, как приказ перед боем, слово «недо», Степан уже давно умчался бы домой. Но пока — надо! — и изволь сжать зубы. Надо по-мужски, до конца доводить порученное тебе дело.

Уже к закату дня через канал, вырытый у нижнего края озера, хлынул поток воды.

Степан, только спала вода в озере, бегом кинулся, шлепая по лужам на дне, к дальнему крутому берегу. Родник, где он? Здесь нет, и здесь, и здесь. Обжег самый дальний огромный валун, Степан остановился как вкопанный — и здесь, на дне, кроме тины и бархатящихся в ней мелких рыбешек, ничего нет. Навалилась тяжесть длинного рабочего дня, завили сбитые мозоли на руках. Неужто все напрасно?

— Не могли мы ошибиться! — Степан ударил кулаком по раскрытой ладони Другой руки.

И тут же увидел, что по глянцевиной поверхности громадного валуна изменился водный струй, услышал журчание где-то сверху.

Степан асхинул голову. Над валуном, из береговой скалы пилась, пилсрура, вода. Родник! Подставив руку, Степан поймал целую пригоршню холодной чистой воды. С шумом хлынула из ладони. Он готов был поплестись в ту минуту — вода оказалась с тем же сладким привкусом, что и из родника в деревне Чучичево. Родника его детства, его родины.

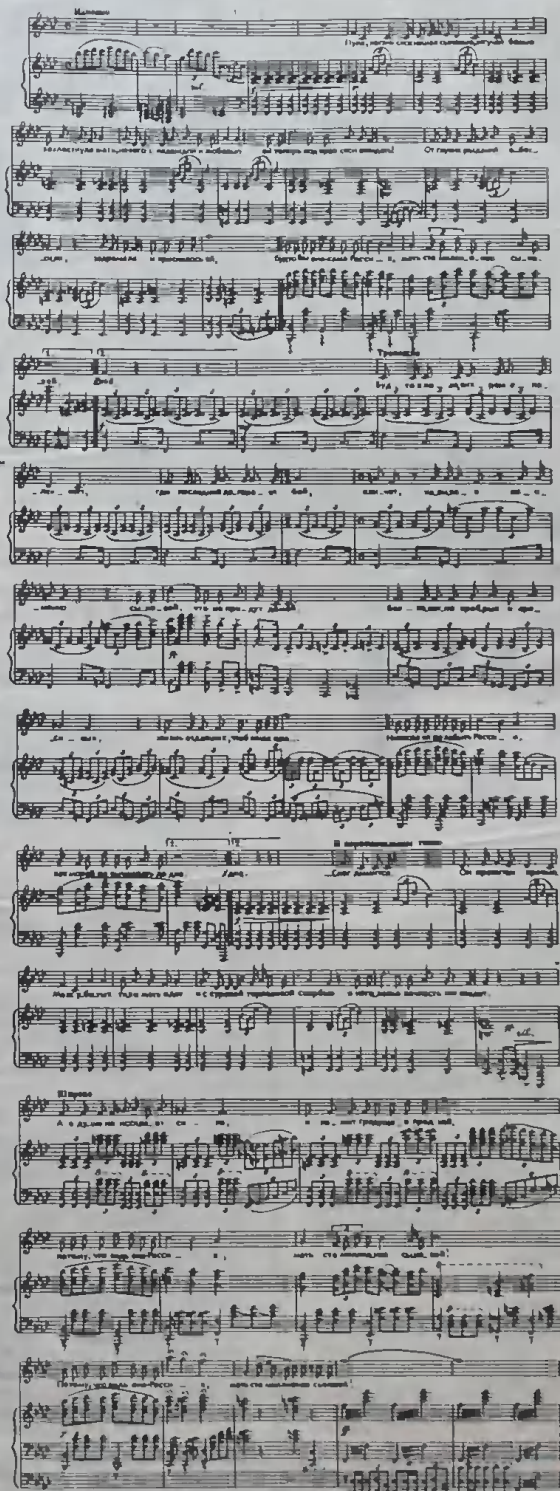

Ей ПРИСНИЛОСЬ, ЧТО ОНА — РОССИЯ

Стихи Л. ТАТЬЯНИЧЕВОЙ

Музыка М. ЧИСТОВА

Пуля,
Жизнь скосившая сыновью,
Жгучей болью захлестнула мать.
Никого с надеждой и любовью
Ей теперь под кров свой ожидать!
От глухих рыданий обессила,
Задремала.
И приснилось ей,
Будто бы она —
Сама Россия,
Мать ста миллионов сыновей.
Будто в поле,
Викрем опаленном,
Где последний догорает бой,
Кличет,
Называя поименно,
Сыновей,
Что не придут домой.
Беззаветно храбрых и красивых,
Жизнь отдавших, чтоб жила она...
Никогда их не забыть России,
Как морей не вычерпать до дна.
...Снег дымится,
Он пролитан кровью.
Меж убить тихо мать идет
И с суровой терпеливой скорбью
В изголодавшее Вечность им кладет.
А в душе не иссякает сила.
И лежит грядущее пред ней,
Потому что ведь она —
Россия,
Мать ста миллионов сыновей!

В РАТНОМ НЕБЕ

Свою новую повесть «Крылатые люди» известный лётчик-испытатель и писатель Игорь Шелест посвятил людям воинственной героической профессии — лётчикам АДД, авиации дальнего действия. Повесть построена на документальном, тщательно отобранном и строго выверенном материале.

Книга Игоря Шелеста — интересный человеческий документ, иные страницы которого потрясают заключенной в них высокой правдой держания и подвига, совершенных «не ради славы» — ради жизни на земле. Многочисленные события военной поры, перенесенные из тайников писательской памяти в книгу, дают читателю представление не только о героизме, но и о личности самого автора.

Эта книга рассказывает, собственно, о буднях лётчиков АДД. Но будни те были совсем не по-будничному полны опасности, постоянного риска. И поэтому столь захватывающие полетные сюжеты, с которыми знакомит нас писатель. Еще бы: попадая в неприятельский тыл, лётчик должен быть готов ко всевозможным наездам и сюрпризам, тут уж и смелость, и расторопность, и выдержка, и находчивость, и гибкая интуиция, и трезвый расчет не только уместны, но и необходимы. Все же не пресыщая нас непременно заинтересовать нас напряженностью действия, автор достигает тем не менее редкой силы эффекта — эффекта занимательности, от некоторых страниц просто невозможно оторваться. Мы то и дело застаем героев повести в нелепых, порой неподражаемых и запутанных, дикушных жесточкой реальностью боевой обстановки, что у нас поневоле возникает изумление, когда из самых невероятных, самых затравливающих перепадов герой находит неожиданный и блестящий выход. Мотива всестороннего испытания «человека в критических условиях», создаваемых войной, решительной проверкой, оценки его нравственных и физических качеств и возможностей — ведущий, главенствующий мотив повести. Подобные испытания порой обессиливают и измывают, но они же дают истинно мужественным людям нелегкую задачу. Готовность истинных защитников Отечества выплыть своей дог до конца, пожертвовать, если надо, и жизнью во имя грядущей Победы, гражданственность, вошедшая в их кровь и плоть, ставшая для них высшим моральным поступком и помыслом. Вот что озаряет неслыханным светом героини страницы повести, посвященные ратному труду лётчиков АДД. В героях книги живет тот патристический порыв, что окупала и воздвигала наш народ в тяжкие дни великой битвы. Книга Игоря Шелеста привлекательна не одним только доскональным знанием войны, но и нравственным потенциалом. Она воспитывает молодёжь в духе высокой патристической окрыленности.

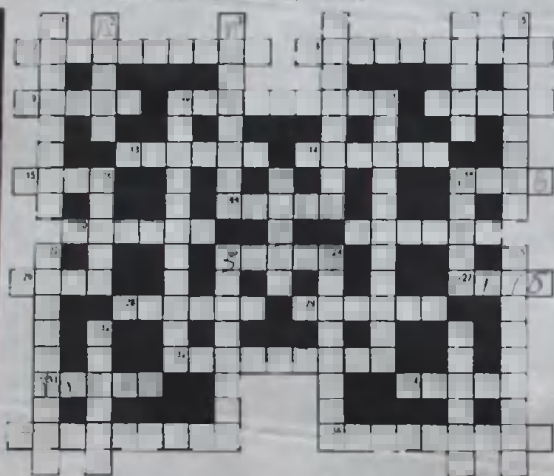
А. ТВЕРСКОЙ

И. Шелест. Крылатые люди. Повесть. М. «Московский рабочий», 1980. 248 с.

По горизонтали: 7. Вид спорта. 8. Чемпион XVII, XIX Олимпийских игр по ходьбе на 20 километров. 9. Отдельное состязание на скорость. 10. Спортсменка советской команды, завоевавшая на XX Олимпиаде первенство по выезде. 12. Гребная спортивная лодка. 13. Чемпион по тяжелой атлетике XXI Олимпийских игр в легком весе. 14. Член советской команды, завоевавший на XVIII Олимпиаде первенство по современному пятиборью. 15. Скорости, быстрота движения. 18. Город, место предварительного футбольного турнира Олимпиады-80. 19. Зеленый покров футбольного поля. 20. Спортивная игра. 21. Член советской команды, выигравшей на XVIII и XIX Олимпиадах первенство по фехтованию на саблях. 23. Вдающаяся в сушу часть моря, озера, используемая для суходоступа и занятий водными видами спорта. 26. Чемпион XIX Олимпиады по академической гребле. 27. Общественная организация, объединяющая любителей спорта. 28. Ниграндинский участник соревнования. 29. Советская футбольная команда. 32. Чемпион XXI Олимпиады по гимнастике. 33. Цит со световыми сигналами на стадионах. 34. Чемпион XIX Олимпийских игр в метании копья. 35. Чемпион по водной борьбе XVIII Олимпиады в тяжелом весе. 36. Город, где состоялся IX Олимпийские игры.

По вертикали: 1. Чемпион XX и XXI Олимпиад по классической борьбе в среднем весе. 2. Спортсмен, владящий. 3. Спортивное огнестрельное оружие. 4. Спортсменка советской команды, выигравшая на XVII, XIX, XX Олимпийских играх первенство по фехтованию на рапирах. 5. Знакомительные встречи в спортивных соревнованиях. 6. Чемпион XVI Олимпиады по классической борьбе в полутяжелом весе. 10. Гимнастический снаряд. 11. Нападающий советской хоккейной команды, выигравший первенство на XII зимних Олимпийских играх. 16. Чемпионка XVI и XVIII Олимпиад по толканию ядра. 17. Оружие фехтовальщика. 18. Пощадка для состязаний на коньках. 22. Советский композитор, автор песен о спорте. 23. Класс спортивной ахты. 24. Гимнастка, участница советской команды, завоевавшая первенство на XIX Олимпиаде. 25. Гимнастка, чемпионка XIX Олимпийских игр. 30. Гандболистка, чемпионка XXI Олимпиады. 31. Возможность, условие для достижения лучших результатов.

КРОССВОРД

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали: 1. Англичан. 4. Ленский. 7. Тополю. 9. Граната. 9. Гандболистка. 13. Сокол. 14. Прототип. 16. Фрица. 17. Витя. 19. Оршан. 20. Фтор. 23. Рубле. 25. Алейба. 26. Тоназ. 29. Радиолоахтор. 32. Тивалга. 33. Рублетка. 34. Верница. 35. Награда.

По вертикали: 1. Автобус. 2. Талин. 3. Аллоа. 4. «Лигон». 5. Иманди. 6. Африка. 9. Гандболист. 10. Ают. 11. Витт. 12. Рефери. 14. Петруша. 15. Практика. 16. Пес. 22. Фрик. 23. Реакция. 24. Бульвар. 27. Циклот. 28. Застава. 30. Дрима. 31. Турин.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Центральный стадион имени В. И. Ленина • Мозина в Олимпийской деревне • Велогри в Крылатском.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Плавательный бассейн в Лужниках • Дворец спорта «Динамо» в Химках-Хорине • Гребной канал • Битцевская конноспортивная база. Фото А. Бочинина

Главный редактор—А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101436, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27. Отделы: Революции и молодежи — 214-33-70. Междугородный — 212-30-03. Социалистических стран — 250-24-21. Искусство — 250-46-18. Литература — 213-03-09. Военно-патриотический — 250-15-33. Наука и техника — 212-21-09. Юмора — 212-14-07. Спорт — 212-22-19. Фото — 253-39-04. Оформление — 212-15-77. Иллюстрации — 253-36-28. Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 30.06.80. Подписано и печатано 15.07.80. А 00394. Формат 70х108/16. Глубокая почта. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-над. л. 11,55. Тираж 1 110 000 экз. Изд. № 1515. Заказ № 2518.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125903, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Сулейман Лаик (справа) и Джалал Бульбулшах.

Фото А. Гостева

НАШИ ГОСТИ

Редакция журнала «Огонек» посетили на днях гости из героической Афганистана — президент Академии наук ДРА, известный поэт, член Революционного Совета республики Сулейман Лаик и директор Института естественных наук Академии наук Афганистана профессор Джалал Бульбулшах. Афганские гости рассказали о деятельности Академии наук, о положении в стране, поделились своими творческими планами.

КНИГИ—ОЛИМПИАДЕ

Олимпийские игры! Для спортсменов и любителей спорта всего мира, а особенно нашей страны — первого в мире социалистического государства, в котором проводится Олимпиада, это не только самые крупные соревнования нашего времени, на которых состязаются самые сильные, самые ловкие, самые смелые, — это торжество молодости, здоровья, праздник красоты духа и тела.

Конечно, подготовка к Олимпиаде, проведение соревнований в Ленинграде, Таллине, Киеве, Минске нашли и еще найдут самое широкое отражение в печати. Пожалуй, нет ни одного из центральных, так и местного издательства, в планах которого последние четыре года не было бы издания, посвященных Олимпиаде.

Только в издательстве «Физкультура и спорт», которому присвоено звание официального издателя Оргкомитета «Олимпиада-80», вышло около 100 названий книг на русском и иностранных языках тиражом в миллионы экземпляров.

Они рассказывают об истории и эволюции Олимпийских игр, о современном олимпийском движении и участии в нем выдающихся советских и зарубежных спортсменов, о развитии советского спорта и его интернациональных связей.

Особое место в спортивной тематике занимают книги, рассказывающие о столицах современных Олимпийских игр, их архитектурном облике, о специально созданных к Олимпиадам спортивных комплексах.

Самое большое место книги о Москве олимпийского назначения в тематических планах «Московского рабочего». Трудно найти такой аспект в жизни Москвы, в котором бы не рассматривались книги этого издательства: «До встречи в Москве. Все или почти все об Олимпиаде-80», «Сборник «Московский спорт: годы, события, люди» — да всего не перечисляешь. А вот о книге «Москва-80. Олимпийский путеводитель», изданное, стоит сказать отдельно. Прекрасно оформленный небольшого формата путеводитель рассказывает не только о программе Олимпиады и ее спортивных сооружениях, но и знакомит читателя с памятными местами столицы, ее историко-революционными, архитектурными и художественными памятниками, музеями, выставками, театрами и концертными залами.

А сколько интересных малоизвестных фактов узнает читатель из этой книги! Например, знаете ли вы, что «свою официальную спор-

тивную историю, зафиксированную в протоколах, Москва начинает с воскресного дня 19 февраля 1889 года, когда на льду «Петровки» состоялся первый в истории России чемпионат по конькобежному спорту. В программе был забег всего на одну дистанцию — 3 версты (3200 метров). Победителем стал Алексей Пашин. За соревнованиями наблюдали, как сообщал тогда журнал «К спорту», 1,5 тысячи человек».

Это издание «Московского рабочего» еще раз показывает, что путеводитель, справочник может и должен быть не только познавательным, но и увлекательным чтением.

Хочется отметить, что вся наша литература о спорте ярко, убедительно и достоверно отражает главную черту советского спорта — его социальную значимость, его массовость, демократичность, доступность.

Так, авторы серьезного исследования «Советский олимпиец: социальный портрет», вышедшего в «Физкультуре и спорте», не только проследили, но и проанализировали путь от новичка до олимпийца в нашем спорте. А в книгах издательства «Прогресс» — «Социальные функции физической культуры и спорта» и «Дети и спорт в СССР» на конкретных примерах и фактах показаны, какое место занимают физкультурное движение и спорт в жизни советского человека, в воспитании гармонично развитой личности.

И в заключение хочется обратить внимание читателей на не совсем обычную книгу, вышедшую в издательстве «Физкультура и спорт». Думаем, этот сборник — «Олимпийские огни». Спорт в творчестве поэтов мира — вызывает интерес и у любителей поэзии. Впервые сделана попытка издать стихи о спорте разных эпох (начиная с античной) и народов. Среди поэтов — авторов сборника и основатель современного олимпийского движения видный общественный деятель, но раз получивший награды на поэтических конкурсах, входивших в культурную программу Олимпиады, Пьер де Нубертон. Его слова на «Оды спорту» можно поставить эпиграфом ко всем советским изданиям, посвященным XXII Олимпийским играм:

Прожидает леги. Жизнь торжествует. Ты живешь, неподдающийся времени, спорт!

М. СЕРГЕЕВА

РАЗДУМЬЕ ТЕЛЕКОММЕНТАТОРА

**Николай ОЗЕРОВ,
народный артист РСФСР,
заслуженный мастер спорта**

Мы, спортивные комментаторы, вводим всего лишь в одно из многочисленных подразделений, призванных обслуживать спортивные соревнования. Но надо признать, что роль и значение электронной прессы, как нас теперь называют, стремительно возрастает. Благодаря бурно развивающейся телевизионной технике, космическим спутникам связи рамки стадионов за последние годы раздвинулись до неогладных масштабов.

Мне довелось вести репортажи с шести футбольных чемпионатов мира, двадцати двух мировых первенств по хоккею, с тридцати летних и зимних Олимпиад, и становление спортивного телевидения свершалось на моих глазах. Я видел, как рос интерес и передачам о спорте и как вместе с этим усложнялась наша работа. Вспоминаются Олимпийские игры 1952 года, на которых советская команда выступала впервые. Тогда Олимпиады по телевидению еще не передавались, велась лишь радиоредакция, но уже через четыре года в Мельбурне, телевизионные репортажи стали валью, однако смотреть их могли тогда лишь жители столицы Австралии и ближайших к ней населенных пунктов. И вот всего лишь через четыре года в Риме телевизионные передачи вышли за пределы одной страны и ход спортивной борьбы можно было увидеть на экранах девяти европейских стран, на Олимпийских играх в Токио, впервые были использованы космические спутники связи, а телевизионная аудитория мексиканской Олимпиады уже исчислялась в пятьсот миллионов человек. Игры в Мюнхене смотрели около миллиарда человек, а мюнхенское соревнование — полтора миллиарда.

И это не предел! Если в Мюнхене работало всего 9 каналов телевизионных передач, 6 студий, 2 цветные передвижные станции, то у нас в Москве будет действовать 20 каналов цветного телевидения, предназначенных для иностранных телекомпаний, 22 студии, 280 стационарных телекамер и 73 передвижные телевизионные станции. Передачи из Москвы смогут увидеть два миллиарда любителей спорта, живущих на всех земных континентах.

Спортивный комментатор, готовясь к Олимпиаде, заранее настраивается на ее волну, вот и я решил как-то тихим, спокойным вечером побывать в телестудии, операторских, монтажных нового телевизионного центра, выросшего словно в сказке рядом с нашим уже давно действующим. В просторном, не обжитом огромном здании, в его еще не «обговоренных», если можно так сказать, просторных залах, снабженных самой современной телевизионной аппаратурой, еще царил покой. И я, подумав, глядя на невключенные микрофоны: «Неужели они заговорят!» А потом я подумал о моих коллегах из американской телекомпании Эн-Би-Си, которые должны передавать код Олимпиады для своей страны. Неужели их микрофоны так и останутся невключенными! Неужели прекрасная новая техника современного телевидения так и не будет ими использована на всю ее полную мощь! И мне

стало жаль моих заокеанских коллег, а вместе с ними многочисленных любителей спорта США.

Включив микрофон, репортер электронной прессы как бы слышит за своей спиной дыхание огромной массы людей, которые ждут от него мгновенного рассказа и показа. Ты еще не успел открыть рот, а зрители уже подталкивают тебя: «Короче, короче... Но вместе с тем и полнее, подробнее, достовернее», — требуют они. И вот представляете себе, что в тот самый момент, когда вы уже готовы произнести знакомую всем телезрителям фразу: «Внимание, говорит и показывает...» — ваш микрофон выключается.

Да, не хотел бы я оказаться на месте такого внезапно очнувшегося телерепортера, и, может быть, потому, присев за один из пультов к невключенному микрофону, заставил себя думать не о тех моих коллегах, которые не смогут занять предназначенные для них рабочие места, а о том, как я буду работать эти долгие и мимолетные шестнадцать дней.

К новому выступлению всегда готовишься исподволь, за много дней, особенно на Олимпийских играх, и, как это часто бывает, когда думаешь о будущем, хоть и совсем близком, но будущем, вспоминается прошлое. Вот и я, готовясь к своей четырнадцатой Олимпиаде, вдруг вспомнил первую, Хельсинки 1952 года, куда я, молодой спортивный комментатор, поехал со своим учителем Вадимом Святославовичем Снявским вести радиоредакцию. И вот я увидел себя за полицейским ограждением около трибуны почта, на которую поднималась наша первая олимпийская чемпионка — метательница диска Нина Ромашкова, а вместе с ней еще две советские спортсменки — Елизавета Багрянцева и Нина Думбадзе. Я должен был прорваться в олимпийскую чемпионку, записать ее рассказ, чтобы через полчаса он мог прозвучать в эфире, но меня не пускают. «Нина, Нина!» — кричу я и показываю на микрофон, но Ромашкова только пожимает плечами...

У нас на радио действует железный закон:

голос чемпиона со всеми его неповторимыми интонациями должен быть записан сразу же после победы, и я страшно волнуясь. И вот вижу, как Нина, получив золотую медаль, скрывается в подземном переходе. Неужели все пропало! При мысли об этом я бесстрашно бросаюсь на полицейский кордон, прорываюсь сквозь него и бегу вслед за нашей спортсменкой... Вот когда мне пригодилась теннисная прыть (как-никак мне, неоднократно чемпиону страны, немало часов пришлось побегать по корту). Задание было выполнено, а на следующий день в газетах появился рассказ о том, как какой-то молодой человек, обогнав всех местных корреспондентов, позитив олимпийскую чемпионку и не дал ей ни с кем слова сказать. Этот молодой человек — видимо, ужасный ревнивец, сообщил репортер, — оказался женихом прекрасной дискоболки.

Вот как я впервые попал на страничку зарубежной прессы.

Впоследствии мне довелось не раз, как говорится, с пылу с жару рассказывать о победах наших славных олимпийцев. С трибуны мельбурнского стадиона я описывал незабываемую победу Владимира Куца над лучшими стайерами мира. Я видел, как поздним римским вечером восхищенные зрители уносили на руках в олимпийскую деревню советского штангиста Юрия Власова. Я до сих пор помню мельчайшие подробности побед гребца Вячеслава Иванова, борца Александра Медведя, легколетца Виктора Санеева, которые трижды становились олимпийскими чемпионами (разве это не подвиг — держать спортивную форму двенадцать лет!). А как можно забыть тот знойный день в Риме, когда на раскаленном шоссе велогонщик Виктор Калитонов первым пролетел 175 километров! Илья сырой темный вечер в Токио, когда мы смогли сообщить в Москву о победе в прыжках в высоту Валерия Брумель! До сих пор живут во мне три баскетбольные секунды финального матча сборных команд СССР и США в Мюнхене, хотя не я, а Нина Ермакина вела репортаж об этой игре. Но я сидел рядом с ней

СПОРТ — НАШ СПУТНИК

Советские спортсмены — участники XXII Олимпийских игр.

Фото А. Бочинина

и еще острее чувствовал напряжение этого матча. Наши проигрывали очко, и Нина, охрипшая, изнемогающая, так же как и баскетболисты, спрашивала у своих невидимых зрителей, можно ли вырвать победу за эти оставшиеся три секунды. Она спрашивала, сама уже не веря, что это возможно, и все же надеясь и требуя этой победы. И когда Александр Белов за мгновение до финального свистка судьи забросил победный мяч, дав своей команде перевес в одно очко, я испытал такой подъем сил, что, казалось, смогу снова повторить весь этот репортаж с начала до конца.

Наша профессия требует огромной отдачи и физической и нервной энергии, большого знания спорта, безотказной памяти, неуемной оперативности. Пришел, увидел, передал —

так можно было бы перефразировать знаменитое латинское изречение, но я все чаще спрашиваю себя: ну, а что же дальше? Неужели наша задача только в том, чтобы сообщать в эфир фамилии победителей и цифры их рекордов? Нет, конечно, нет! Задача спортивных комментаторов значительно шире. Так же как мы используем космические спутники для того, чтобы наши репортажи не знали барьеров земных расстояний, так и сам спорт должен стать повсеместным увлечением. Миллионы любителей спорта чувствуют, как незримые волны мужества, воли, бесстрашия, мастерства, отражаясь от спутника «Спорт», вдохновляют их на высокие подвиги, на вдохновенный труд. Для миллионов людей олимпийский чемпион становится эталоном высо-

ких моральных и физических качеств, и мы, журналисты и космические и земные, должны умело использовать эти благородные достоинства спорта. Вот почему я всегда так радуюсь творческим успехам наших спортсменов и тогда, когда они еще выступают, и тогда, когда покидают спортивные арены. И я стараюсь делать все, чтобы люди разделяли со мной эту радость. Разве не вдохновляет нас пример Николая Озолина, чемпиона страны по прыжкам с шестом, а ныне доктора педагогических наук, профессора, или Зои Мироновой, в прошлом чемпионки СССР по конькобежному спорту, а теперь известного хирурга? Ушел из спорта после Мельбурна олимпийский чемпион Геннадий Шатков, но боксер в прошлом стал ныне кандидатом

юридических наук. Мы не забыли до сих пор выдающихся успехов чемпиона мира по шахматам Михаила Ботвинника, но его победы и сегодня не меньше, только в другой области — он доктор технических наук. Известный футболист тбилисского «Динамо» Зураб Соткилава стал народным артистом СССР, одним из лучших исполнителей роли Отелло на оперной сцене. А Инеса Яунзем? На Олимпийских играх в Мельбурне она дальше всех метнула копье, сегодня же Инеса известна в Латвии как хирург-виртуоз.

Таких примеров множество. Рядом со мной на телевидении работает Александр Иванович, в прошлом олимпийский чемпион по вольной борьбе, а ныне главный редактор спортивных программ телевидения и радио. Валерий

Борзов, сильнейший спринтер мюнхенской Олимпиады и призер Олимпиады монреальской, уже не выйдет на старт Олимпийских игр в Москве, но ныне он секретарь ЦК комсомола Украины. И я не сомневаюсь в том, что через несколько лет мы продолжим рассказ о тех, кто сделал свое дело на XXII Олимпиаде и продолжает свой победный путь на аренах трудовых...

Вот о чем я думаю, сидя тихим московским вечером в одной из студий нового телецентра. В этом огромном здании будут продуктивно работать 1200 телекомментаторов, телеоператоров, режиссеров из многих стран мира. Двадцать восемь лет назад с первой нашей Олимпиады в Хельсинки вели репортажи всего два спортивных комментатора советского ра-

дио — Вадим Синявский и его помощник Николай Озеров, с нашей восьмой Олимпиады репортажи по советскому телевидению и радио будет вести большая группа советских тележурналистов, мастеров своего дела, не раз уже выступавших на больших соревнованиях, таких, как Наум Дымарский, Котэ Махарадзе, Нина Еремкина, Владимир Маслаченко, Анна Дмитриева, Лариса Петрич, Евгений Майоров, Георгий Саркисянц, Владислав Семенов, Александр Курашов и многие другие. И я верю в то, что и мне и моим коллегам выпадет честь рассказать о многих замечательных победах советских спортсменов.

Московская Олимпиада начинается, микрофоны включены, зажглись экраны. Внимание! Идет телепередача!

